

ВИКТОРИЯ МАЛЬЦЕВА

МОНОГАМИЯ

МУЖ

КНИГА 2

18+

Виктория Мальцева
Моногамия. Книга 2. Муж

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Мальцева В.

Моногамия. Книга 2. Муж / В. Мальцева — «ЛитРес: Самиздат»,
2020

ISBN 978-5-532-05224-6

Алекс увозит Валерию с детьми в США, но в новой семье счастья тоже нет – слишком они разные, слишком сильны обиды и осколки их прошлого. Теперь Алекс и Лера женаты, но живут в разных комнатах и, если пересекаются, всегда ссорятся. Очень скоро Валерия обнаруживает свою главную угрозу – женщин. Их всегда было много вокруг Алекса, соперницы повсюду и твердят одно: «Ты в его жизни временно и ненадолго. Что может дать такая холодная и некрасивая женщина, как ты, такому яркому и горячему мужчине, как Алекс?». Любовь, которая не только обнимает и лелеет, но и больно жалит. Любовь до самого конца... до последнего вдоха... Моногамия

ISBN 978-5-532-05224-6

© Мальцева В., 2020
© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Глава 1. Мужские решения	5
Глава 2. Перемены или точка отсчёта № 2	8
Глава 3. Начало нового	10
Глава 4. Party	14
Глава 5. Крепость	18
Глава 6. Обманутые ожидания	22
Глава 7. Особенная	28
Глава 8. Уверенность	33
Глава 9. Я всё скажу тебе в моих песнях	40
Глава 10. Ла Пуш	44
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Виктория Мальцева

Моногамия. Книга 2. Муж

Глава 1. Мужские решения

Мужчина, способный на поступки, обречён быть любимым.

Коко Шанель

Мой муж Артём никогда ещё не видел меня настолько раздавленной. Испугавшись, он переступил через свою обиду и спросил:

– Что случилось, он умер что ли?

– Нет, – отвечаю, – он «жив, здоров и даже довольно упитан». Артём, я устала. Я устала так, как не уставала ещё ни разу в жизни. Пожалуйста, не спрашивай меня ни о чём ни сегодня, ни завтра, ни в ближайшие дни. Я всё расскажу, но позже... как только приду в себя.

Мою душу после всей этой истории можно сравнить с тряпкой, с которой долго и очень весело играли щенки – всё ещё существующая, но до неузнаваемости изорванная и грязная. Однако моя душа живуча, как кошка, и я знаю, что она восстановится, зализет раны.

В первый месяц ещё очень тяжело: перед глазами то и дело всплывает больничная кровать, болезнь, слабость, смерть, которая дышит мне прямо в лицо, а я упорно не принимаю её и гоню. Я не сдалась, но никто и никогда не поймёт, чего мне это стоило. Об унижении, которым завершилась моя миссия, стараюсь вообще не думать – будто это и не происходило вовсе. Жизнь давным-давно научила меня не вспоминать о вещах, способных глубоко ранить – так надёжнее, безопаснее для целостности моего «Я», это мой способ защиты от всего плохого.

Спустя месяц становится легче: жизнь входит в своё русло, нагружает работой, втягивает в привычную повседневность. И только по вечерам, читая дочери книжку на ночь, я совсем не понимаю прочитанных слов, потому что мысли мои в эти моменты далеко – в огромном стеклянном доме на противоположном конце планеты.

Через три месяца я уже вновь полноценный гражданин общества – активный и ментально целостный. Ничто не забыто, но болезненные события отделились уже достаточно, чтобы не ранить, накрылись вуалью времени и рисунком той жизни, которую я проживаю теперь. И я настоящему теперь ценю Артёма – понимающего, прощающего, понятного, простого, надёжного. В нашем доме тепло и уют, в нашем доме мир и покой.

Mecca Kalani – Feel me

Это случилось в марте, в полный солнечного света, но при этом холодный и мокрый вечер.

Подъезжая к дому, я вижу припаркованный на противоположной стороне дороги чёрный Порше. Сердце мгновенно пронизывает укол, а это плохой знак, очень плохой. Ничего хорошего не случается в моей жизни, когда я его ощущаю – он всегда предупреждает меня, готовит.

Выхожу из машины, оглядываюсь на стоящий неподалёку Порше. Ветер терзает мой шёлковый шарф, набрасывая его и волосы мне на глаза, мешая видеть. Днём лил дождь, и прояснилось только сейчас, ближе к семи вечера: небо всё ещё затянуто серо-сиреневыми облаками, но над горизонтом их нет, и заходящее солнце слепит мои глаза оранжевым светом.

Я слышу, как открывается автомобильная дверь и... время словно останавливается, погрузив мир в оглушающую тишину. Всё, что я слышу – это гулкие удары собственного сердца, потому что, хоть и не могу видеть, всем своим существом чувствую и ощущаю ЕГО.

Не сразу, но беру себя в руки: отбрасываю с лица шарф и прищуриваюсь, чтобы убедиться в своей правоте – одетый в чёрную кожаную куртку Алекс стоит в своей обычной позе, прислонившись спиной к двери машины, и ждёт, что подойду.

А я не хочу подходить. Я не желаю даже знать его.

Достаю дочку из автомобильного кресла, и она сразу бежит в дом, затем забираю пакеты с продуктами из багажника, закрываю машину и, не оглядываясь, направляюсь домой.

Я ещё не знаю, что дома у меня больше нет.

В тот момент, когда тепло до боли знакомых пальцев касается моего запястья, моё «нечто» уже не колет меня изнутри, а буквально разрывает на части:

– Не стоит туда идти... – слышу его негромкий голос.

Разворачиваюсь и теперь, наконец, вижу то, что так боялась увидеть: за эти месяцы он вернулся, снова стал собой и каким-то непостижимым уму образом ещё более красивым. Болезнь оставила в его глазах отпечаток особой мудрости, ещё большей проникновенности, глубоких, недоступных остальным людям знаний, истин, которые заставляют смотреть на жизнь иначе и видеть в ней то, что скрыто от других.

Алекс некоторое время молчит, ждёт, пока посмотрю в глаза, а я не могу оторваться от его виска и едва нависающей над ухом пряди волос, завитой в чёрное блестящее полукольцо – всё-таки отросли.

– Я рассказал ему, – тихо произносит.

Моё сердце отделяется от связывающих его со мной вен и артерий, срывается вниз и ударяется о мокрый песок под моими ногами:

– Что рассказал? – спрашиваю шёпотом, чтобы Бог нас не услышал.

– Всё.

– Что «всё»? – и вот теперь мой голос, пронзительный, словно нож мясника, разрезает мартовский воздух.

Я не вижу ни идеальных черт его красивого лица, ни силы, вернувшейся в его тело, ни завораживающей игры ветра в прядях его волос. Я вижу только тёмные карие глаза и в них – ожесточённость и решительность. Его голос негромок, но безапелляционно принимает самые главные решения за меня:

– Как мы были вместе два года, как встречались, как ты любила меня, как ты была со мной. Я сказал ему, что забираю тебя. Навсегда!

Это уже слишком. Я хочу быть умной женщиной и стараюсь читать полезную литературу, например, ту, которая учит, как управлять гневом, сдерживать его вовремя. И я практикуюсь, постоянно тренируюсь, и у меня уже очень здорово получается! Так здорово, что я прямо горжусь собой!

Но не в этот раз.

Размахиваюсь, и моя рука со всей тяжестью боли, страхов и переживаний, связанных с его болезнью, со всей ненавистью за унижение, со всем сожалением о моей, только что разрушенной семье, главное семье – моей любимой, моём тыле, моей тихой гавани, которая укрывала меня от всех бед, которая единственная радовала меня в последнее время... со всей этой тяжестью моя рука оказывается на его лице.

Алекс сгибается, закрыв лицо ладонями, а когда убирает их, я вижу кровь – она вытекает из его носа, сочится из разбитых губ. Он пытается вытирать её, но кровотечение слишком сильное.

После всего, что я видела, после того, *каким* я его видела, мне сложно дышать, меня будто схватили за горло и с силой сжимают, душат. Теперь уже я закрываю своё лицо руками, земля уходит из-под ног, и мне совершенно не на что опереться: семьи нет, Алекса после этого тоже не будет, ведь он так ненавидит насилие! Для него ничего хуже насилия нет!

Его руки в крови... она капает с запястий и впитывается в грязный мокрый песок, а я, словно в трансе, не могу оторвать от этой картины глаза. И именно в это мгновение внезапно осознаю, что готова опрокинуть мир за каплю этой крови. За то, чтобы удержать её в его живом теле.

Ватными руками стягиваю с шеи шёлковый шарф и протягиваю ему, а он спрашивает:
– За что? За эти три месяца или за твою семью?

И я, глядя ему в глаза, отвечаю:

– И за то, и за другое...

– Кто-то должен был разрубить этот чёртов узел! – жёстко, металлически объясняет и сплёвывает кровь. Она у него и во рту, и на губах, подбородке, шее – везде.

Я в ужасе от того, как сильно разбила ему лицо. Как будто это не я, а моя рука сама по себе оторвалась от меня со своей карой. А он продолжает:

– Мне нужны были эти три месяца, чтобы развестись. Ханна подготовилась уже очень хорошо: тех фоток, которые она наклепала, хватило бы для любого суда, чтобы оставить меня ни с чем. Ты стала бы жить со мной в шалаше?

Я молчу, потому что у меня шок: всё это время он разводился? А позвонить, написать, объяснить всё не мог? Выяснить это нет ни сил, ни желания, и единственное, что мне важно знать:

– А ты думаешь, нет?

Я забираю из его рук шарф и мягко прижимаю к его губам. Промокнув, начинаю осторожно стирать кровь, и она, словно знает, что со мной бесполезно спорить: подчиняется, перестаёт сочиться.

Всё то время, пока мои руки приводят в порядок его лицо, устраняя то, что сами натворили, Алекс смотрит на меня своим пронзительным взглядом и думает, наверное, какая же я дура. А я думаю о том, что всё повторится: я сломала его, я же и собрала заново. Пустила ему кровь и сама же её остановила. В мою тяжёлую от случившегося голову впервые проникает мысль о существовании некоторой моей власти над этим человеком, однако понимание, как правильно её использовать, придёт ещё очень нескоро.

Глава 2. Перемены или точка отсчёта № 2

Don't Deserve You – Plumb

Дальше всё развивается так быстро, что я не успеваю осознавать происходящее. Мне кажется, будто я мчусь в кабриолете на бешеной скорости по шоссе своей жизни, и у меня вот-вот сдует голову.

Алекс развёл нас с Артёмом за три дня через суд, который длится у обычных людей месяцами или даже годами. На четвёртый день мы зарегистрировали с ним брак, и я взяла его фамилию. Вся эта поспешность была продиктована только одним: моим детям срочно нужны были американские визы. Алекс не считал денег; ему называли суммы, а он только спрашивал о сроках и сокращал их вдвое. С ним не спорили, пасуя перед его решительностью, а я в ужасе наблюдала за тем, как быстро при наличии особенно больших денег решаются судьбы живых людей. Купить можно всё: и честь, и достоинство, и семью с детьми.

Но самый мерзкий след остался в моей душе от того, как мой новый муж обошёлся с прежним: Алекс забрал детей у Артёма, надавив на все кнопки одновременно. Он сказал, что всё равно найдёт способ их вывезти без согласия отца, и что Артём прекрасно это знает. Вопрос в цене и времени, и из двух этих ресурсов Алексу важно только время – оно ограничено. Если Артём добровольно подпишет согласие на вывоз детей, ему будет обеспечена виза США и работа в Сиэтле поблизости от нас, чтобы он мог в любое время видеть сына и дочь. Контрольным ударом стало обещание, что Алёша с Соней получат лучшее в мире образование и самые широкие возможности. Случившееся подкосило человека, с которым я прожила двенадцать лет, Артём выглядел настолько жалким, что мне захотелось утопиться, только бы заглушить угрызения совести.

И хотя этот их разговор состоялся не при мне, знала я о нём практически сразу – Артём сам рассказал. Он был в ужасе от того, с кем мне и детям предстоит теперь жить: Алекс танком прошёлся по нашей семье, чувствам моим и моих близких, а я, словно заспиртованная лягушка в банке, безвольно наблюдала всё это со стороны. Все решения принимались за меня и без меня, я только ставила свою подпись в указанном месте. Неудивительно, что Алексу удалось так разбогатеть – люди вели себя с ним иначе: строптивые соглашались, смелые трусили, нерешительные решались.

Всего через неделю американские визы были вклеены в паспорта детей, моя же оставалась в силе ещё с сентября. Алекс приказал взять с собой только самые необходимые вещи – одежду и остальное можно купить и в Штатах, а я, как зомби, просто делала, что он говорил.

Прямо перед отъездом мы заехали к моим родителям – знакомиться. Алекс... Алекс – это человек, в совершенстве владеющий инструментом «обаяния». Наши с ним разногласия и недопонимания – это наши с ним разногласия и недопонимания, а для моих родных Алекс в высшей степени внимательный, улыбочивый, обворожительный мужчина, и весьма неожиданно – мой новый муж.

Когда мама – человек, призывавший мою совесть проснуться в течение двух самых счастливых в моей жизни лет, не единожды слёзно воскликнувший «не могу поверить, что родила и воспитала тебя я!» – так вот, когда моя мама, наконец, увидела его, она сказала:

– Теперь только я понимаю тебя, дочь...

Когда моя драгоценная сестра, мой старший товарищ и вездесущий зоркий глаз, всегда выручавший и прикрывавший, да в принципе сделавший эту мою «связь» возможной, но никогда не забывающий напомнить непутёвой мне о том, кто именно является чёрным пятном на репутации нашего семейства, простояла минут пять с открытым ртом и захлопнула лишь для того, чтобы спросить: «А где таких делают?», я поняла, что легко мне никогда не будет.

Даже папа – в высшей степени неприветливый и сухой человек, привыкший, чтобы честь отдавали ему, а не он кому-то – никогда на моей памяти не встречал и не принимал вот «так» Артёма.

Официальный статус «жены» очистил меня от всех грехов и амнистировал в моём лице достойного члена семейства. Гордости у меня не было, радости тоже: в душе росла и крепла тревога, потому что «страх» – это для более серьёзных вещей, таких, как лейкоз, например.

Наш самолёт до первой точки пересадки – Франкфурта – поднялся в воздух в восемь часов вечера. Алексу досталось место рядом с Алёшей, выпросившему «окно», мы с Соней расположились так же, в том же ряду, но через проход напротив. Тот вечер, оранжевый свет уходящего мартовского дня и силуэт Алекса, склонившегося над своей бесконечной работой в планшете и ноутбуке, навсегда останутся в моей памяти поворотной точкой. Я смотрела на своего красивого мужа и думала о том, какую гигантскую ошибку совершаю.

Как долго всё это продлится?

Сколько дней, месяцев, лет он продержится рядом со мной?

И что будет, когда всё закончится?

Я всё понимала, но остановиться уже не могла.

Глава 3. Начало нового

Kings Of Leon – WALLS

Мы прилетаем в полдень, и в доме на берегу нас встречает обедом Эстела.

Эстела – мексиканка лет пятидесяти, несколько раз в неделю приходившая убирать дом, когда Алекс болел. Теперь она будет жить с нами постоянно. Эстела полная, добрая, улыбчивая и очень душевная: она встречает меня объятиями и признаётся, что всё это время «молила деву Марию о моём возвращении, ведь я так нужна *ему*»... Однако мне почему-то кажется, что Эстела рада меня видеть куда как больше, чем *он*.

Алекс странный. Очень. И ведёт себя так, будто мы чужие. Я уверена, всё дело в том, что я ударила его – он не может мне простить своё разбитое лицо. Но на самом деле причина другая, и я узнаю о ней не сразу. Оказалось, моя разрушенная семья далась Алексу с большим надрывом: он наступил на горло своим принципам и совести. Он считал, что я сама должна была сделать правильный выбор (то есть, выбрать его) и просто жить с ним. Поскольку он понял, что этого никогда не случится, ему пришлось пожертвовать своей честью и решить всё за меня. Поэтому он и злился, ну и совсем чуть-чуть из-за своего лица. Так он скажет мне потом, а пока не замечает меня.

Как только входим в дом, Алекс объявляет детям:

– Выбирайте комнаты! Лучше всего, я думаю, если они будут на одном этаже с нашей спальней. Как ты считаешь, Лера?

– Да, конечно, – мямлю.

– Ого, какой огромный дом... он твой, Алекс? – у моего старшего ребёнка, похоже, шок.

– Наш. Мой, твой, Сонин и мамин, – и я впервые за последнюю неделю вижу подобие улыбки на лице своего новоиспечённого супруга.

– Что, весь?

– Весь.

– И бассейн?

– И бассейн, и террасы, и даже пляж. Но ходить туда можно только с взрослыми.

– Я уже взрослый! А сколько тут этажей, Алекс?

– А сколько ты насчитал снаружи?

– Три.

– Да, со стороны дороги три, а со стороны залива – четыре.

– Круууть! – восхищается Алёша.

– Лера?

Я вздрагиваю:

– Что?

– Где наша спальня, ты уже знаешь. Выбирай любую сторону, какая тебе удобнее – правая, левая – как скажешь. Мне без разницы. Сейчас я ненадолго должен уехать по работе. К ужину постараюсь вернуться, – сообщает, только раз коротко на меня взглянув.

Я не жду от него объятий и поцелуев на прощание, но и эта холодность замораживает. Раньше он всегда смотрел на меня, не отрывая глаз, а теперь вот так – коротко и бессодержательно.

Алекс освободился после десяти вечера, пропустив и ужин и всё остальное, что могло бы быть после него. Но и вернувшись, он не поднялся в «нашу» спальню, а продолжил работать внизу, сидя в кресле в гостиной. Дети уже спали, так и не дождавшись его – Алекс уже успел очаровать их до состояния «слепого обожания», а вскоре и вовсе станет их кумиром. Впрочем, и взрослые – все, кого я знала – притягивались к нему, как к электрическому магниту. С детьми

же Алекс общался на равных, то есть так, как если бы они были ровесниками: внимательно выслушивал, всегда находил для них время, и они откровенничали с ним даже больше, чем со мной. Ну и, конечно, игрушки: дорогие, сложные игровые приставки для сына, кукольные дома, наряды и ещё много чего для дочки. Он покорила их своими беседами ещё в самолёте, а дом его стал для них родным с первого же дня. Я не переставала удивляться: если бы у меня всё так легко и гладко получалось!

В комнате, которая раньше была «его», а теперь вдруг неожиданно стала «нашей», я не чувствую себя дома. Но и гостем тоже не ощущаю с тех пор, как прожила в этом доме почти три месяца. Правая и левая стороны – это не о кровати, а о выборе гардеробной и ванной комнаты, которых в этой главной в доме спальне по две – для мужа и для жены. Мне тоже совершенно безразлично, где будет «моя территория» – справа или слева, но разве один бельевой ящик для двоих не сближает?

Странно и непривычно залезать под «наше одеяло» и вытягивать ноги на «нашей простыни», когда совсем недавно всё это было чужое – его и Ханны. Но усталость после долгого перелёта берёт своё.

Lana De lRey – Music To Watch Boys To

Я просыпаюсь посреди ночи. Лунный свет заливает белоснежную спальню, а перемигивки между стёкол отбрасывают длинные тени, делая её похожей на космическую станцию на орбите далёкой планеты. В комнате так светло, что вполне можно читать книгу без света.

Алекс спит рядом – пришёл, наверное, когда я уже уснула. Его тело повернуто ко мне спиной, и я обнаруживаю на ней довольно большую татуировку, сползающую от лопаток на бок до самого живота. Рисунок в этом освещении сложно разобрать из-за его сложности, но я узнаю мелкие замысловатые узоры – Кельтские, скорее всего. Догадываюсь о её предназначении – Алекс закрыл ею свои шрамы, а мне жаль их, они напоминают о том, как дорого он мне достался.

Господи, как же он красив... мужественен! Настоящая здоровая сила растекается по волнам мышц, одетым бархатной кожей. Алекс и раньше был развит физически, но всё же с оттенком женственности в линиях и очертаниях талии, шеи, бёдер, кистей рук. Теперь его мышцы стали грубее и больше – он повзрослел, возмужал, обзавёлся brutальными тату. За прошедшие месяцы его тело окрепло так сильно, что слабость и беспомощность, пережитые всего несколько месяцев назад, кажутся теперь кошмарным сном.

Мне безумно хочется провести ладонью по его плечу, изгибаю мышцы на руке, талии, но кровать настолько большая, что вероятность случайных прикосновений невозможна. Моя рука легонько тянет шёлковую простынь, едва прикрывающую его бёдра, чтобы обнажить ягодицы: я не знаю, как и чем объяснить это желание, но мне безумно хочется посмотреть на него полностью голого. Я жадно разглядываю его изгибы, но много увидеть мне не удаётся: внезапно Алекс разворачивается на спину во сне и натягивает простынь обратно.

Теперь мне хорошо видно его лицо, и это самый настоящий гипноз... Глаза оторвать сложно, но сейчас, когда он спит, можно спокойно, не прячась и не смущаясь, любоваться. В этот момент мне не верится в происходящее, и в голове рождается глупейшая мысль: «Это, конечно, хорошо – теперь он мой муж, и каждую ночь я смогу наслаждаться им в этой постели, но, с другой стороны, как несправедливо, что такая красота достанется только мне одной! Только я смогу видеть и ценить её, ведь он же не ходит по улице голым!» Мне становится смешно от того, какой бред способен генерировать мой мозг, и я укладываюсь спать дальше, счастливо улыбаясь.

В следующий раз просыпаюсь уже от солнечного света: ещё рано, но его лучи заливают всю нашу спальню. Алекса уже нет в постели, и я успеваю огорчиться, но потом прислушиваюсь к шуму воды в ванной и догадываюсь, что он в душе. Тут же поднимаюсь и бегу во вторую ванную (наверное, свою) чистить зубы. Попутно соображаю, что надо бы напялить какое-нибудь

бельё посексуальнее, но внезапно прекратившийся шум воды заставляет прыгнуть обратно в кровать в чём была, без переодеваний.

Пока я клянусь себя за то, что не позаботилась о сексуальности своего вида с вечера (чёрт, это так непривычно!) Алекс выходит из душа мокрый, с завёрнутыми в полотенце бёдрами и, не глядя на меня, собирает свои вещи по комнате: смартфон, планшет, приготовленные свежие бельё и одежду. Не сразу, но всё-таки замечает, что я смотрю на него.

Вернее, чувствует:

– Ты не спишь? Прости, я не хотел будить.

– Меня разбудило солнце. Который час?

Он смотрит в свой телефон:

– Ещё только семь. У тебя сейчас, по идее, должна быть акклиматизация, так что, до двенадцати полно времени для сна.

– Уже уходишь? – спрашиваю.

– У меня в десять разбор полётов в офисе, ежедневный, – вздыхает, – потом несколько встреч, но к обеду я постараюсь освободиться. Если получится.

– Вся жизнь по расписанию?

– Вошла в своё обычное русло.

– Ты всегда так много работаешь?

– Мне приходится. Мою работу некому выполнить за меня.

Алекс садится на кровать, чтобы одеться, и теперь я могу рассмотреть его новую тату получше: геометрические фигуры, состоящие из мелких, неизвестных мне символов, похожих на растения, перетекают одна в другую. В целом вся композиция, расположенная ассиметрично и почти по диагонали, очень отдалённо напоминает крыло. Но это не крыло, а скорее лабиринт, гармонирующий по стилю с широким браслетом на бицепсе. Совершенно определённо в этом изображении зашифрован какой-нибудь особый смысл, но Алекс ведь никому не раскрывает тайн своих татуировок.

Я вытягиваю руку и дотрагиваюсь до того места на его позвоночнике, где должен быть шрам, и он на месте, хоть и невидим – мои пальцы ощущают только деформацию на коже.

Foxes – Devil Side

Алекс вздрагивает, закрывает глаза и дышит чаще. Какое-то время мешкает, затем медленно поворачивается и ложится рядом, вплотную ко мне, очень близко. Ещё через мгновение его тёплая ладонь на моей талии – этого я и хотела: сколько уже можно мучить меня? Назвать своей женой и ни разу не прикоснуться, так может только он!

Я не двигаюсь и даже не дышу, потому что мне одновременно страшно и интересно, что сделает он. Больше пяти лет прошло после нашей последней близости, мы оба теперь другие не только в своих головах, но и физически – нас прежних, юных больше нет. У меня есть лишний вес и «неидеальности» в фигуре, и я до звона в ушах предвкушаю момент, когда он станет меня раздевать – сравнение с Ханной потопит мой корабль с одного выстрела.

Но Алекс ничего не делает. Его лицо зависло над моим так близко, что мы могли бы целоваться дыханием. Его взгляд долго блуждает, пока, наконец, не встречается с моим, и вот это он умеет делать превосходно – гипнотизировать. Я не знаю, какой силой нужно обладать, чтобы вынести это томление его близостью, эту пытку ожиданием первого прикосновения и сдаюсь: закрываю глаза и тянусь к его не до конца зажившим губам, едва касаюсь их, но жду в ответ много... Так много, как может дать мне только он.

Но Алекс не отвечает. И это странно, потому что даже осознавая лишнее на своих бёдрах и животе, недостаточную длину ног и полное отсутствие золотого загара на коже, я всё равно знаю, как желанна для него, ощущаю это каждой своей клеткой, расцветающей в эту секунду жаждой близости.

Мы сейчас далеки друг от друга, но постель – это то место, где супруги всегда мирятся. Вы ненавидите друг друга, вас съедает обида, но вот ваши ступни соприкоснулись под одеялом, и всё уже кажется не таким трагичным. За ними бёдра, и вы уже искренне хотите обняться, а когда его рука нежно нащупывает вашу в примирительном жесте, вы больше не можете сдерживаться – вы любите друг друга, вы прощаете, вы живёте дальше. Так всегда было, так всегда будет.

Смотреть на его разбитое лицо стыдно и больно, поэтому придвигаюсь ещё ближе и целую его губы в том месте, где они разбиты, со всей нежностью, какая у меня есть. Я всё ещё думаю, что он обижается на меня за тот удар, за преднамеренно причинённую боль, и прошу его губы своими о прощении.

И они прощают. Прощают жарко, горячо, неистово. В последний раз вот так, съедая друг друга, мы целовались пять с половиной лет назад...

Как же это долго!

Как же долго я ждала тебя... любимый!

Желаний и чувств к нему так много, и они настолько безлимитны, что я боюсь потерять сознание. Но он не даёт мне этого сделать: попутно стаскивая пижаму, целует всю. На этот раз, Алекс не дожидается, пока я назову его имя, делает всё быстро, но и этого ему мало, он поднимает меня и переворачивает нас так, чтобы главная роль досталась мне.

Я замираю от неожиданности, а Алекс, глядя мне в глаза, ослеплённые ярким, рвущимся в наши окна солнцем, кладёт свои ладони на мои бёдра и надавливает на них, предлагая выбрать ритм нашего движения. Это совершенно не та позиция, к которой я привыкла – так я вся на виду. Алекс полулежит, откинувшись назад, на локти, и безмолвно предлагает мне делать всё, что я захочу. А я хочу целовать его и целую в глаза, губы, ласкаю его мокрые волосы, вдыхаю запах кожи. Я двигаюсь и двигаюсь так, как хочу сама, а он смотрит и смотрит, не отрываясь, на то, как я схожу от близости с ним с ума.

Это совершенно не похоже на то, что мы делали в постели раньше, что ОН со мной делал, а делал он многое, настолько многое и разнообразное, что я мысленно прозвала его «богом своих удовольствий».

Но, не на этот раз: сегодня Алекс не делает НИЧЕГО, вообще ничего. А я изголодалась по нему до такой степени, что несмотря на его пассивность задыхаюсь от наслаждения и продолжаю сходить с ума...

По правде сказать, я и сама не ожидала от себя ничего подобного.

Он знал, насколько красив, и то, очевидно, что эта красота делала со мной. Он не любил меня в то утро, а позволял любить себя, как позволял многим, и в этом и вправду что-то было. «Мы начинаем всё с нового листа, теперь всё будет по-другому!» – так я тогда думала.

Но очень скоро пойму, что наша первая близость вовсе не была актом взаимной любви – Алекс просто отдал мне своё вновь безупречное тело для удовлетворения моих только потребностей в любовании, сексе, ласках. Именно это и было в его выражении лица, его глаза словно кричали мне: «Это тебе нужно? Так сильно ты этого хочешь? Тогда бери! Бери, я не жалею, я даю это всем. Бери, но не жди от меня большего».

В то утро я и не подозревала, что сама стала одной из армии тех, кого впоследствии так сильно презирала. Ещё позднее я узнаю, что сексуальная инициатива должна исходить только от Алекса, в обратном случае в его мозгу запускался некий скрытый патологический механизм.

Глава 4. Party

Алекс не вернулся к обеду, как обещал. Около пяти вечера я замечаю движение и суету на нижней террасе – незнакомые люди устанавливают столы, диваны, настраивают стереосистему. Бассейн наполнен, и в нём уже плавают надувные кресла.

Я не понимаю, что происходит, пока к восьми вечера не начинают подъезжать претенциозные машины с не менее претенциозными в них людьми. Они рассеиваются по террасе, разваливаются в креслах с бокалами в руках и находят друг в друге явно закадычных собеседников. Я догадываюсь, что это, вероятно, вечеринка, и расстраиваюсь, потому что, во-первых, меня никто не предупредил, а во-вторых, если уж этот дом назвали моим домом, то разве не должна и я тоже принимать участие в решении подобных вопросов? И в-третьих... в-третьих, мне хотелось побыть со своим мужем наедине: я скучаю. Мне не хватает его рук, слов, мягких, окутывающих теплом взглядов, которые остались, похоже, навсегда где-то в прошлом.

И мне элементарно нечего надеть, ну кроме, разве что, чёрного платья – того самого, в котором я когда-то пела в караоке клубе. Конечно, у меня полно одежды, но вся она осталась дома! Это платье я взяла лишь потому, что в новом браке оно кое-что значило.

Обуть мне тоже нечего, и поэтому приходится импровизировать: босая женщина в маленьком чёрном платье – это же сейчас самый писк! А ещё чистейшая эротика, так что, я даже в выигрыше.

Будь мы с Алексом ближе, я бы не стала даже появляться на той вечеринке. Мне это не было нужно, и даже более того, необходимость предстать перед его друзьями и знакомыми, стараться понравиться им заставляла испытывать стресс и даже немного унижала. Но что-то мне подсказывало, что вновь обретённый статус жены необыкновенного и всеми любимого Алекса требует жертв. Я не хотела с самого начала раздражать его своими капризами. Я подстраивалась.

Rihanna – Pour It Up (Leo Kalyan Remix)

Хозяин появляется только к девяти вечера и, не заходя в дом, сразу выходит на террасу. Я замечаю, что он переодет, то есть утром ушёл в деловом костюме и рубашке, а сейчас на нём джинсы, футболка и модный пиджак с подвёрнутыми рукавами. «Где он переоделся?» – вдруг возникает вопрос. Такие крошечные ядовитые вопросы, как кислота, способны проесть дыру в чём угодно.

Я делаю над собой усилие и переключаюсь на другие мысли – не хочу ссориться с самого начала, не хочу выяснять отношений. Такой брак у меня уже был, и прежде чем всё более-менее наладилось, часть меня разложилась, а чувства остались уничтоженными навсегда. Я хочу любыми путями избежать ругани.

А гости, тем временем, наперебой спешат поприветствовать владельца всего этого великолепия – его вес и авторитет буквально висят в воздухе. Широко улыбаясь, он здоровается со всеми: и с мужчинами, жмущими его руки, и с девицами, поглаживающими его плечи, заглядывающими в глаза. Одна из них, упакованная в сверкающее серебром платье, при встрече целует его в губы, и меня передёргивает. Затем он наклоняет голову, она что-то долго говорит ему на ухо, он смеётся и обнимает её за талию.

В последний раз я видела его смех в Париже... шесть лет назад. Мне так паршиво, что сил нет даже стоять.

Всё это я наблюдаю с балкона нашей спальни, накрашенная, причёсанная, одетая, но не имеющая ни малейшего желания выйти к ним. В эту секунду я почти ненавижу его.

Спускаюсь на кухню, не без усилий нахожу бутылку коньяка (потому что виски и ром я ещё не умею пить), наливаю себе половину бокала и залпом проглатываю. Подумав, повторяю.

И ещё разок. И только после этого снова выхожу на балкон – на этот раз на втором этаже и со стороны столовой.

Алекс уже уединился с двумя мужчинами вполне себе делового, а потому успокоительного для меня вида, и тремя женщинами, явно обсуждая с ними нечто важное, возможно, связанное с бизнесом. Закончив беседу, он переходит в другую компанию, где обнимается с двумя парнями и тремя девушками. В одном из них я узнаю Марка – похлопав Алекса по плечу, он протягивает ему сигарету и помогает закурить. В этот момент мне хочется этого «недодруга» прибить, хотя, надо признать, сигарета добавляет моему сексуальному супругу ещё больше шарма. Он курит и слушает, что ему говорят, иногда отвечает, изредка поглядывая на толпу танцующих на террасе. Я надеюсь, что он ищет меня. Вернее, очень хочу в это верить.

Гости от души зажигают на танцполе под музыку в стиле RnB, дорогой алкоголь льётся рекой, официанты, как муравьи, снуют с подносами, крутой диджей нагнетает атмосферу, и вечеринка набирает обороты. А море вдали спокойное, красивое, залитое лунным светом, словно живая декорация служит фоном всему этому безобразию.

Алекс всё время занят разговорами: не успевает он выслушать одних, к нему уже подходят другие, либо он сам перемещается туда, где его давно ждут. Потом он, наконец, поднимает голову и наши взгляды встречаются. Мы оба замираем, и, несмотря на коньяк, мне хочется разрыдаться и прокричать ему: что ты творишь? Зачем?

В этот момент к нему снова подплывает девица в серебряном платье, обнимает одной рукой за талию, прижавшись бёдрами к его бёдрам, а вторую прижимает к его затылку, вынуждая снова наклониться и слушать её. На этот раз Алекс мягко её отстраняет, но она, не отпуская его руку, тащит к столику, где, догадываюсь, отдыхают его друзья. Он что-то ей говорит, буквально выдирая свою руку из захвата, и направляется к дому.

«Идёт за мной», – думаю и бегу в нашу спальню, на балкон этажом выше. Вижу, как Алекс выходит туда, где меня уже нет, и прежде чем он догадается взглянуть вверх, делаю шаг назад от перил. Мне отчаянно хочется, чтобы он искал меня, и моя рациональность даже не пытается вникнуть в причины этой потребности. Ребячество? Нет. Обида? Да. Желание заставить его приложить хоть какие-нибудь усилия, завладеть его вниманием больше, чем на пару минут? Но Алекс слишком занятой человек, чтобы тратить время на мои обиженные игры: он сразу возвращается к друзьям. Все пятеро непринуждённо болтают, часто смеются и курят. Когда девица в серебряном влезает моему мужу на колени, негодование уже рвёт меня на части.

Была б я трезвой, наверное, рыдала бы от обиды. Но пьяная я, как известно, вообще не я.

Алкоголь уже заблокировали мои тормоза. Мне вообще лучше не пить, если честно, я уже говорила – меня тянет на приключения, и не всегда это то, чем потом можно гордиться. Вот и на этот раз мой нетрезвый мозг почему-то решает, что пора мне выбираться – заявить, так сказать, о себе.

Pink – Try

Голос Пинк раскатывается на километры вокруг, призывая «попытаться» и убеждая, что «не все ожоги смертельны», и я, высоко подняв голову, шлёпаю босиком навстречу свершениям. Долго обхожу танцующих, пока, наконец, не оказываюсь прямо напротив белого дивана, самого удобного на террасе и уже успевшего стать моим любимым, между прочим. Сейчас же на нём заседают те, кто для Алекса важнее и ближе меня. Обмениваясь шутками, легко и расслабленно смеясь, они потягивают коктейли и подпевают Пинк, а девица в серебряном уже стоит на столике и методично двигает бёдрами в такт припева.

И никто из них в упор не видит меня.

Алекс увлечённо что-то говорит светловолосому парню с накачанными руками, обтянутыми неоновой майкой, а рядом с ним самое интересное – девица в красном и явно безобразно дорогом платье. Объективно, мне плевать и на её платье, и на алуку помаду, но совершенно

не всё равно, что делает её красный маникюр на коленке моего мужа? Даёт понять другим самкам, что место уже занято?

У меня нет ни слов, ни мыслей: всё это лежит далеко за пределами моего понимания. На пути в новую жизнь у меня было немало страхов и переживаний, но такого я не ожидала. Не такой представляла я свою жизнь с ним.

Во мне умирает настоящая «я» и просыпается совершенно незнакомая мне стерва.

Смело подхожу к псевдомужу, уверенно и даже эротично перебирая мрамор своими босыми ступнями, как кошка лапками. Осторожно вынимаю из его рук сигарету и подношу к своим губам. Помада у меня, конечно, не красная, но благоверный, наконец, замечает меня и поворачивает голову в мою сторону. А я с чувством затягиваюсь (Господи, хоть бы с непривычки не закашляться), поднимаю голову и театрально выдыхаю струю дыма. Его друзья, оторопев, молча на это смотрят. Девицы презрительно меряют меня глазами, и вот спорю на почку, они знают, кто я такая.

Алекс удивлён, и даже не пытается это скрывать:

– Я думал, ты не куришь...

Мой долгий кошачий взгляд впивается в него с целью распясть и пригвоздить к дивану:

– Всё меняется, Алекс, и ты знаешь это лучше меня. Каких-то несколько месяцев назад твои лёгкие не могли дышать, и я молилась о каждом твоём вдохе... – мало того, что я говорю всё это медленно, так ещё и прерываюсь, чтобы снова затянуться. – А теперь, посмотри на себя! Кажется, уже ничто не может навредить тебе, даже это! – и я выдыхаю облако дыма ему прямо в лицо.

– What did she say?¹ – спрашивает блондинка в красном, не разобрав моего русского.

– She said, that a few months ago, his lungs weren't working properly and she prayed for every single breath he took... and now it seems that nothing can harm him, not even this smoke!² – перевожу ей.

Кажется, они в шоке. Все. И особенно Алекс.

– Это его русская жена, – делает ценное умозаключение девица в красном, убирая руку с бедра моего супруга. Мисс очевидность, блин!

Алексу требуется некоторое время, чтобы отмереть. Как только это происходит, он резко поднимается, хватая меня за руку и тащит в дом. Я почти бегу за ним, как Пятачок за Винни-Пухом, уверенная, что новому мужу не понравилось моё поведение, и сейчас он станет меня отчитывать, как это сделал бы мой прежний супруг.

«Ну вот, ругани всё-таки не избежать» – думаю. Однако новый муж не старый.

Алекс тащит меня вверх по лестнице, не говоря ни слова, и как только дверь «нашей» спальни закрывается, довольно резко прижимает к стене, уже стаскивая платье и целуя. Жадно, жестоко, грубо. От него пахнет сигаретным дымом и духами других женщин, и именно в это мгновение мне вдруг хватает духу признаться себе, как же сильно с самой пощёчины мне хотелось уткнуться лицом ему в шею и почувствовать его сильные руки вокруг себя. Если б он только обнял меня... хотя бы так, как несколько месяцев назад – бессильный в своей постели, но нежный, любящий, понимающий.

Однако я получаю то, что получаю.

Борясь со слезами, вот-вот готовыми политься из моих глаз, я отворачиваюсь. Алекс мгновенно ослабеваешь хватку, я с силой толкаю его и вырываюсь. Он застывает, как вкопанный, и дышит так, что футболка вплотную натягивается на его вздымающейся груди, и по выраже-

¹ Что она сказала?

² Она сказала, что не так давно его лёгкие не могли дышать, и ей приходилось молиться о каждом его вдохе, а теперь, кажется, ничто не способно навредить ему, даже этот дым.

нию его лица я понимаю, как остро задел его мой отказ. Не проронив ни звука, он резко разворачивается и выходит, хлопнув дверью.

Они отрывались на своей вечеринке почти до рассвета. Алекс пил, но больше не курил, и это была моя маленькая победа. В ту ночь я легла спать с детьми. Весь следующий день Алекса не было, и я снова ночевала с детьми. Ещё через день опять вечеринка, но я, даже не выходя, легла в детской.

Мой новый брак катится ко всем чертям со скоростью, которую даже я не могла предположить. Поэтому в один из вечеров я выхожу в сеть с целью купить один взрослый и два детских билета в один конец – до Кишинёва. От предлагаемых авиакомпаниями цен мои глаза лезут на лоб, и единственное, что я могу осилить без существенного урона для своей психики – это вылет через месяц. Покупаю, решив, что пожить здесь ещё несколько недель – разумный выход, я ведь тут не в гостях.

Глава 5. Крепость

Moby – Whispering Wind

Потянулись недели холодной войны. Мы с Алексом пересекаемся и говорим только по необходимому минимуму, решая текущие организационные или бытовые вопросы, такие как выбор школы или детского сада, например. И это не приносит удовольствия ни мне, ни ему.

В один из первых дней является старичок в дорогом костюмчике с чемоданчиком. Представившись адвокатом и финансовым помощником Алекса, он раскладывает передо мной банковские бумаги и карточки и принимается объяснять, как ими пользоваться. На прощание даёт совет:

– Я не знаю, сколько здесь денег – мне эта информация не доступна – но советую вам не скромничать – предыдущая жена ушла ни с чем. И та, которая была перед ней, тоже, – приторно улыбается, – и та, что до неё тоже.

Какая ещё предыдущая и та, что перед ней? О, Боже! Я чувствую себя киндер-сюрпризом на конвейерной ленте! Я попала сюда не по своей воле, чёрт возьми! Как же я могла допустить всё это? Где был мой разум? Да я же просто муха на липкой ленте: ножки увязли, а крылышки не так и сильны, чтобы вырваться!

Срываюсь в банк на машине с личным, ёлки, водителем! Да, забыла сказать, на крыше дома я тут недавно обнаружила посадочную площадку и вертолёт. Да-да, личнее личного, свой собственный вертолёт у него, понимаете ли! Так вот, я мчусь в банк: мне интересно, во сколько он оценил меня? Сколько же стою я в качестве его жены?

У меня четыре карты: три безлимитных кредитки разных систем и дебетная карта. Когда я вижу сумму на дебетной, прикреплённой к моему сберегательному счёту, именно вижу, потому что банковский работник не решается произнести её вслух, мой мозг парализует. В буквальном смысле «парализует», ибо нет в природе слова более подходящего, чтобы описать то, что я ощущаю в этот момент.

Возвращаюсь в дом на берегу в состоянии полнейшей подавленности: «Это не мои деньги, это не моя жизнь, это не мой муж, не мой человек. Мне всё это не нужно, я хочу домой...».

Алекса застаю в столовой: серьёзный и сосредоточенный, он строчит послания на планшете, утонув в мягком диване у стеклянной стены. В кои-то веки он днём дома, а я в полном расстройстве духа. Стиснув зубы, подхожу и бросаю карты и папку с документами на стеклянный столик перед его носом:

– Говорят, твои жёны уходят от тебя ни с чем... советуют ни в чём себе не отказывать, пока благодать твоей благосклонности светит в мои окна! Я тут подумала, что, пожалуй, мне стоит выпендриться – ну, чтобы хоть как-то выделиться на общем фоне – и ничего лучше не придумала, как разделить наши финансы: я обеспечиваю себя сама, ты себя сам.

Моё Великолепие работало всегда удалённо и независимо от положения тела на карте могло зарабатывать неплохие деньги. Так что я знаю, о чём говорю. Заказы на мои аналитические отчёты и бизнесы-планы, как и проекты по оценке недвижимости прокормят меня в любой точке мира.

Покончив с тирадой, направляюсь к выходу и вдруг слышу:

– Тебе не нужно об этом думать.

Я оборачиваюсь и наталкиваюсь на гневный карий взгляд. Алекс дышит так усиленно, что его грудь буквально ходит ходуном, едва сдерживая раздражение, но каким-то невероятным образом, он умудряется совершенно спокойным голосом повторить:

– Тебе не нужно об этом думать.

– О чём? – спрашиваю.

– О том, что тебе достанется после развода.

– Я никогда и не думала об этом, Алекс. За все годы ты так и не узнал меня, – устало упрекаю. – Твоя квартира по-прежнему ждёт тебя в Кишинёве, я только присматривала за ней и... отдыхала там иногда.

– Я знаю о каждом твоём визите в ту квартиру. Я знаю о тебе всё, – говорит, переключая своё внимание снова на планшет. Он не может смотреть мне в глаза, потому что это самый омерзительный разговор за всё время, что мы знаем друг друга. – И я повторяю, тебе не нужно беспокоиться о том, что будет после развода. *ЕГО НЕ БУДЕТ.*

Он снова поднимает на меня глаза, и я больше не вижу в них ни негодования, ни раздражения. На секунду мне кажется, что это прежний Алекс – всегда улыбочивый и мягкий парень, к которому меня так основательно притянуло когда-то.

– Никогда и ни в чём нельзя быть таким уверенным, Алекс. Я всегда думала, что составюсь с Артёмом, но всё, как ты знаешь, совсем иначе обернулось и абсолютно против моей воли.

Он хмурится, словно от боли:

– Тебе плохо со мной? – тихо спрашивает.

– А тебе со мной хорошо?

Мы оставляем друг друга без ответа. Час спустя я вижу Алекса на террасе: он стоит, засунув руки в карманы брюк, и долго смотрит на море.

Moby – Wait for me

В тот же вечер у нас случается совсем небольшая вечеринка в кругу близких друзей. Алекс осторожно стучит в детскую, чтобы пригласить меня лично, и я соглашаюсь.

Мы сидим, укутавшись в пледы, на пляже у подножия нашего дома, греемся у костра, пьём пиво, жарим мясо на барбекю и непринуждённо болтаем. Вернее, шутим, но не мы, а они, потому что я только помалкиваю, изучая Алекса и его ближайший круг доверия: Кристен, Анну, Марка с Джейкобом и Габриель – тот же состав, который отдыхал на белом диване на недавней вечеринке. Вот так, в уютном уединении и оранжевом пламени костра я нахожу всю банду по-настоящему весёлой, остроумной, интересной: сразу видно, эти люди давно держатся вместе и чувствуют себя в обществе друг друга так комфортно и расслабленно, как бывает только в семье.

Я уже успела понять, что Алекс разный. Он жёсткий и властный, категоричный со всеми, кроме своих друзей, Эстелы, детей и меня. Я никогда раньше не видела его таким и даже более того, подобное поведение никак не укладывается в тот его образ, который уже успел нарисоваться в моей голове за годы, что я знала его в юности.

Теперь же броская внешность резко контрастирует с его манерой общаться с людьми по-деловому строго, сухо, часто безапелляционно, если речь идёт о подчинённых, коллегах, бизнес партнёрах.

Однако есть у него ещё один облик – тот, который он надевает с женщинами. В то время я ещё очень мало о нём знаю, и меня жестоко ранит его манера позволять прикасаться к себе другим женщинам, ведь теперь он женат на мне и это, по моему разумению, должно накладывать определённые ограничения на его поведение и привычки. Не важно, как у них принято, не важно, как заведено в той среде, где выросла и жила я, важно то, что я чувствую теперь, когда его целуют и обнимают другие женщины, отнимают у меня его внимание. Если он мой муж, значит и мужчина он тоже только мой, разве не так?

И вот я наблюдаю за тем, какой Алекс с друзьями: расслабленный, мягкий, остроумный, местами весёлый, легко парирует шутки, адресованные ему, шутит сам, но его юмор особенный – он не ранит никого, не кусает, не причиняет боли. Я обнаруживаю новые грани его личности, глубину доброты и искренней доброжелательности к людям, вижу цельность и монументаль-

ность его характера, и эти открытия разогревают мой интерес, я хочу большего, хочу увидеть, узнать его целиком.

В шутивно-саркастической перебранке на тему изящных способов само преображения возникает вопрос, адресованный мне лично, и возможности спрятаться в молчаливом созерцании на этот раз у меня нет:

– Валерия, а вот ты знаешь, что означает татуировка у Алекса под грудью? – забрасывает удило Кристен, и все присутствующие, кроме самого Алекса, поддерживают её интерес шумным одобрением. – Это тайна из тайн, которую он никому не раскрывает! А тебе рассказал?

Мой муж не промолвил ни слова о куда как более серьезных вещах, нежели его татуировка. Не посчитал нужным.

– Нет, мне он тоже ничего не говорил, – отвечаю. – Но я и не спрашивала, и без того не сложно догадаться, что там.

Все шесть пар глаз разом устремляются на меня. Алекс смотрит с выражением, которое я не могу понять. Такое бывает редко, чаще я вижу в его взглядах и настроение, и чувства, а иногда, мне кажется, даже могу прочесть его мысли.

– И что же там? Не томи! – Кристен начинает ёрзать от нетерпения, а меня покусывает мысль, откуда она знает, что именно у Алекса на груди? Отдыхали вместе на пляже? Плавали в бассейне?

Притихнув, все ждут мой ответ, но я не могу выдавать чужие тайны:

– Если Алекс никому об этом не рассказывает, значит, там зашифровано нечто важное для него. И вполне понятно, что он ни с кем не хочет этим делиться. Зачем же мне лезть со своими догадками?

Кристен тут же в игривой манере обращается к Алексу, повиснув у него на шее:

– Алекс, пусть она расскажет! Скажи ей, не будь занудой!

Он не отвечает и смотрит на огонь, решая, выдавать своё позволение или нет. Потом резко поднимает глаза и соглашается:

– Это всего лишь догадки, пусть рассказывает.

– Уверен? – спрашиваю я.

– Конечно.

Набрав в грудь побольше воздуха, я выдаю все свои соображения разом:

– Ничего загадочного в этом рисунке нет. Ни для кого не секрет, что дерево – символ корней человека, олицетворение семьи во всех её проявлениях: плодовитости, наследственности, родства, отеческих чувств и сыновних, одним словом это любовь – та, которая бывает только в семье. Случайностям тут не место. В кроне этого дерева зашифрованы инициалы, и не трудно догадаться чьи. Некоторые из них нарисованы бледной синей, почти серой краской – скорее всего, это ушедшие близкие, другие яркие, цветные – это живые люди. Например, там есть ярко зелёная буква М, это явно Мария, – зелёный символизирует близость родства. Есть и другие зелёные буквы поменьше, скорее всего, это дети Марии. Ещё там есть алая V, соединённая и сплетённая с такой же алой А, и я бы рискнула предположить, что это инициалы моего имени и имени самого Алекса, но это исключено, так как когда мы познакомились, они там уже были, ну или я плохо помню. Вот так.

На мгновение наша уютная компания погружается в тишину, слышно только, как лениво шуршат волны у кромки залива, да потрескивают дрова в костре.

Алекс смотрит на меня... заморожено. Да, именно так, в его взгляде восторг, удивление и страх одновременно.

Спустя время Анна его спрашивает:

– Алекс, это правда? Семья настолько важна для тебя?

Он словно с трудом отрывается от меня, переводит свой внезапно застывший взгляд снова на огонь и тихо сознаётся:

– Да.

– Но ты никогда не говорил об этом! – восклицает Кристен тоном, из которого следует упрёк «Если бы ты только сказал, всё было бы иначе!». И я не хочу даже предполагать, что именно было бы иначе.

– А нужно?

– Обычно люди говорят о том, что для них важно! – Кристен убирает, наконец, руки с его шеи, заглядывает в его глаза, и я вижу, вернее, понимаю, что кольцо на пальце *моего мужа* ничего для неё не значит, и впервые осознаю всю масштабность планеты под названием «Алекс и женщины», где брак, вероятно, воспринимается с таким же весом, как одинокий возглас на переполненном стадионе.

Внезапно понимаю, что у меня нет никакой защиты от них: нет верности и преданности, нет нежности, нет радости от обладания друг другом. И задаюсь вопросом: зачем, вообще, он заключил со мной этот брак, зачем притащил в свою жизнь? Что это, благодарность за то, что я одна была рядом, когда ему было плохо? Или месть за разбитое годы назад сердце?

Moby – Porcelain

Недели через две моих детей сражает американский грипп. Они, американцы, ласково величают его «flu», и этот флю играет в жестокие игры с новобранцами, нешуточно приближая их к грани, где близость трагедии неожиданно обжигает страхом и отчаянием.

Я очень боюсь за сына, больного астмой, и ложусь спать в его комнате, но основной удар приходится на дочь: лихорадочный лающий кашель, называемый ларингитом или крупом в бывшем СССР, накрывает нас своей пугающей упорностью ближе к трём часам ночи.

Однако я поражена не тяжестью американской болезни, относимой к группе ОРЗ, а тем, как реагирует на неё Алекс: глубокой ночью, когда все спят, он будит меня, держа на руках Соню, задыхающуюся от кашля и отёкшей гортани, и спрашивает без паники, но с беспокойством, что делать ему. Получив инструкции, послушно их выполняет: быстро укутывает её и выносит на террасу, чтобы ей было легче дышать.

Я же бегу разогреть молоко, что также должно нам помочь, и когда выхожу к ним на террасу, застаю пробирающую мою душу картину: Алекс качает Соню на руках, склонившись над ней и целуя в волосы с такой всепоглощающей нежностью, что у меня начинает щипать в носу. И он тихонько что-то поёт ей таким ласковым голосом, какой может быть только у человека близкого, родного, который никогда не бросит в беде, не спасует, не предаст, всегда поможет. Его широкие плечи и сильные руки – словно колыбель для моей маленькой дочери, трансформация сексуальности в надёжное, крепкое и такое нежное убежище для моего ребёнка. И я вдруг понимаю, что все мы – я и двое моих детей – в полной безопасности.

Мы в крепости, которую теперь хочется назвать домом.

Вскоре Соне становится легче, причём я впервые вижу, чтобы это происходило настолько быстро: обычно ночной приступ ларингита длится не менее двух часов, а на этот раз на всё ушло не более тридцати минут. Я хочу забрать спящую дочь, чтобы дать Алексу возможность отдохнуть, ведь всего через два часа будильник из смартфона призовет его на пробежку, начнётся долгий день: неизменно тяжёлый, как всегда перегруженный событиями, проблемами, неординарными ситуациями, требующими его внимания, и людьми сложными, требовательными, неумелыми, ошибающимися. Я знаю, насколько важен для него отдых, ведь сам он совсем недавно перенёс страшное, едва не убившее его, но Алекс жестом показывает, что не нужно беспокоиться, он пробудет с Соней столько, сколько ей потребуется. Я долго сижу на своём любимом белом диване напротив и наблюдаю за тем, как он держит её, поправляет одеяло, иногда целует в лоб, и незаметно засыпаю. Проснувшись, обнаруживаю себя укрытой огромным тёплым пледом, а Соню, мирно посапывающую рядом, целой, невредимой и, кажется, уже практически здоровой.

Глава 6. Обманутые ожидания

Tycho A walk

Ещё через неделю, а точнее в субботу утром, я спускаюсь на кухню с одной лишь только мыслью – сварить себе кофе. Алекс, расположившись у стеклянной стены, с невиданной скоростью печатает сообщения в мессенджере на своём ноутбуке.

– Привет, – здороваюсь.

– Привет, – мягко отвечает.

Я молча занимаюсь своим утренним напитком и чувствую, как когда-то очень много лет назад в Кишинёве, спиной его взгляд. Поворачиваюсь, и он тут же спрашивает:

– Сегодня обещали тёплый солнечный день, полный штиль – прекрасная погода для морских прогулок. Не хочешь на яхте прокатиться?

– С детьми или без?

– На этот раз лучше без. С детьми мы спланируем отдельно такой же уикэнд.

– Почему бы и нет, – а у самой аж сердце подпрыгнуло: ну наконец, думаю, решился! Хочет остаться наедине, потому что ему так проще сделать первый шаг. Мы ведь такое уже проходили, не так ли?

– Отлично! – слышу по голосу, улыбается.

Определённо грядут перемены. Может аннулировать билеты? Всё равно большую часть денег сдерут в качестве неустойки, так что нет никакой разницы – пусть пока будут.

– Тогда через час будь готова, пожалуйста, – его тон непривычно дружелюбен, и я, кажется, даже отрываю ноги от земли, воспарив в блаженном ожидании. Только виду не подаю.

Через час я в джинсах, майке и толстовке – потому что ещё не так уж и тепло в апреле – спускаюсь на кухню и вижу Алекса. На нём сине-серебристый клубный пиджак, джинсы и майка с молодёжным принтом. Он похож на денди, и не скажешь, что несколько месяцев назад на ладан дышал.

Спрашиваю:

– Чего ты так вырядился для морской прогулки?

– Ну..., – кажется, он растерян, – обычно на такие мероприятия именно так и одеваются, – и смотрит на мои старые джинсы и батник с недоумением.

Я, не осознав до конца ситуации, но смело предположив, что Алекс намеревается извиниться за своё поведение и торжественно попросить моей руки, пусть поздно, но лучше так, направляюсь к двери, ведущей в сторону гаражей, а он с недоумением спрашивает:

– Ты куда?

– Как куда? В машину!

– А, – догадывается, – нет! Тут близко, пешком дойдём. По берегу.

И только в этот момент до меня доходит, что огромная яхта в марине неподалёку принадлежит ему.

Выйдя из дома вслед за Алексом, обнаруживаю, что от нашего особняка до самой марины проложена красивая каменная дорожка с подсветкой. У самой марины даже есть стоянка для авто, уже почти полностью заставленная дорожными атрибутами элитной жизни, включая лимузины. И только волны громкой электронной музыки, доносящиеся с громадины на приколе, открывают мне глаза на то, что на яхте вечеринка.

Очередная чёртова вечеринка!

Моё настроение не падает, нет. Оно обрушивается, и я снова вспоминаю о билетах.

Aero Chord – Surface

Морская прогулка оборачивается пафосным мероприятием всё с теми же очевидными целями, что и все предыдущие – бизнес переговоры в неформальной обстановке. Яхта боль-

шая, не семейная, а скорее только для мероприятий и предназначенная, действительно принадлежит Алексу, судя по отчёту, которым его удостоил капитан. Больше того, в марине прячется ещё одна – значительно меньше и уютнее. По всей видимости, именно её Алекс и использует для частных прогулок с друзьями или семьёй.

Я чувствую себя паршиво: во-первых, из-за разочарования, ведь настрой был на тет-а-тет, а во-вторых, я оказываюсь на этом мероприятии вынужденной Золушкой (чего терпеть не могу) по причине моего более чем скромного облачения на фоне дорогих нарядов и бриллиантов. Дамы все до единой разодеты, ухожены, уложены, надушены. Я же не то Золушка, не то дурочка, не то прислуга.

Хуже всего последнее, поскольку одна из богемных фей вручает мне свой пустой бокал с требованием принести ей ещё. Я не оскорбляюсь, предлагаю ей обратиться по адресу и советую впредь быть внимательнее, на что получаю полный деланного недоумения и подлинного презрения взгляд.

И я думаю: сама эта яхта, все эти роскошества принадлежат моему супругу, а значит, и мне тоже – так, по крайней мере, у нас в Восточной Европе понимается брак. Тогда почему я стою здесь униженная в копеечных джинсах и толстовке? Почему я одна, на меня никто не обращает внимания, ну разве что бокальчик пустой попросят забрать, приняв за официанта? И почему у меня такое чувство, что обознались нарочно, ведь я в своей толстовке отнюдь не смахиваю на него?

Дорогой алкоголь льётся рекой, закуски доставлены из не менее пафосных ресторанов, гарсоны снуют туда-сюда, услужливо извлекая из рук гостей пустые бокалы и вручая новые, за музыкальным фоном следит профессиональный диджей, а за всем мероприятием – организатор вечеринок Британи.

Британи тоже заигрывает с моим мужем и тоже шикарно выглядит: на ней явно бриллиантовое кольцо поверх изумрудного платья с длинными рукавами, ярко рыжая грива, алая помада и длиннющие чёрные ресницы. Британи, словно фарфоровая кукла – безупречна. Безупречна и смела, потому что, приветствуя Алекса, традиционным поцелуем не ограничивается: резко метнув руку в область его паха, от чего тот аж дёрнулся, так же резко и со смехом её забирает, прежде чем он успевает что-либо сообразить. В ту же секунду его взгляд находит меня, и я понимаю, он с ней спал. Или спит.

Алкоголь – это то, что часто исправляет ситуацию и приводит мысли в некий порядок, пусть не всегда верный, но хотя бы временный. Я решаю начать с мартини, и через пол часа ситуация уже не воспринимается так уж трагично. Мы отплываем от берега, Алекс в глубине яхты сосредоточенно обсуждает важные вопросы с такими же, как сам, напыщенными бизнес-акулами.

Внезапно я получаю нежный «чмок» в щёку, успеваю немного испугаться, но сразу выдыхаю облегчение: это Марк.

– Привет! Чего такая унылая? – спрашивает, улыбаясь до ушей и обняв меня за плечи.

– Привет! Слушай, Марк, ты даже не представляешь, как я рада тебя видеть! Хоть одно человеческое лицо!

– Неправда, и муж твой здесь! Так чего унылая такая?

– Жизнь унылая.

– Да ладно тебе! Всё ж хорошо и будет только лучше! Самое страшное позади – это самое главное.

Марк явно уже успел набраться, а ведь мы и часа не плаваем, и впереди ещё пол субботы.

– Что он там делает? – спрашиваю у него, показывая кивком на своего супруга.

– Да как обычно, всё та же нудятина – разводит акул на выгодные для него условия, машет перед их носом окровавленной человечинной, потом подсовывает контракты, в которых чёрным по белому сказано: «акул рыбами не считать, а потому истреблять безжалостно и усердно»!

Короче, готовит сделку по слиянию. Но на самом деле... между нами, – заговорщицки шепчет на ухо, – это самое что ни на есть поглощение! Очередное.

– Боже мой, не так давно одной ногой в могиле был, а теперь кого-то поглощает!

– Он сам акула та ещё. Белая. Самый опасный вид!

– Я думала, людям в болезни открываются великие смыслы, но это, похоже, не тот случай.

– Вообще не тот, даже не сомневайся. Помнишь, что я тебе говорил? –внезапно Марк становится серьёзным и трезвым на вид. – Он очень, очень богат. Такие деньги великими смыслами не делаются, да ещё за такой короткий срок. Он, как локомотив, прёт и сносит всё на ходу. Не стану скрывать – я при нём, просто качусь на волне его инерции и зеваю иногда. Но! Он всегда может на меня рассчитывать, как на самого себя, и я всегда прикрою ему задницу: он это знает, я это знаю, нас обоих это устраивает.

– Алекс теперь совсем не тот парень, которого я когда-то знала, – заключаю с грустью.

– Определённо не тот. Но зато теперь он круче!

– ... и злее, и надменнее, и пафоснее, и грубее, и жёстче и ...

– Да перестань уже! У тебя прям всё в чёрном цвете!

– Именно так, Марк. Я уже билеты купила домой. Больше не могу это выносить...

– Я знаю про билеты, – оглушает.

– Откуда?

The Chainsmokers – Don't Let Me Down (Illenium Remix)

Невзирая на свой немного уже подплавленный мозг я ещё соображаю: билеты я купила тихо и со своей молдавской карты. Никто не может знать о них, а тем более Марк.

– Лера! Ты не слышишь меня! Он богат! Он немислимо богат со всеми вытекающими! И это давно уже не тот человек, к которому ты приезжала в Париж, пойми, наконец! Того Алекса больше нет и никогда не будет! Это больше не смазливый парень с высокими принципами и мечтами спасти весь мир, теперь он – магнат Алекс Соболев, глава крупнейшей корпорации. Ты потрудись, пару газет и журналов купи, посмотри, чьё имя чаще всего упоминается, чьих фоток больше! И, конечно, у него есть службы безопасности, их не может не быть.

У меня шок, а Марк продолжает:

– Ты сейчас новое лицо в его окружении, и независимо от того, хочешь ты этого или нет, согласен ли с этим Алекс, ты находишься под наблюдением и каждое твоё шевеление ему известно просто потому, что каждое утро на его столе лежит доклад от вышеупомянутой службы. А про билеты он сам мне сказал и с прискорбием!

– Не хочет, чтобы я уезжала?

Господи, неужели это я только что проскулила с нескрываемой надеждой?

– О чём ты, Лера! Какие же вы женщины странные, непонятные! А что ты здесь делаешь, вообще? Думаешь, ты очутилась в доме одного из самых завидных парней штата случайно? Или может, ты считаешь, он делает настолько серьёзные вещи, не обдумав? Поверь мне, нет. Алекс изменился, но кое-что осталось прежним, и я устал тебе повторять: он любит тебя, и не просто любит, ты очень много значишь для него! А после того, что было осенью, я думаю, ты для него ВСЁ!

– Тогда скажи, пожалуйста, что там сейчас происходит? – и я кивком головы указываю ему на до боли обыденную картину: холёная брюнетка неземной красоты, та самая, которая поручила мне свой пустой бокал, эротично водит носком своей лаковой туфли по икре ноги моего благоверного, томно шепчет ему на ушко нечто елейное, судя по блаженному выражению его лица.

Марк усмехается:

– Всё от тебя зависит. Если ты захочешь, он будет у твоих ног преданно ждать косточки, а все эти сучки станут тебе завидовать и при этом скрежетать зубами так сильно, что сотрут их к чертям! – хохочет.

Он явно хорошо набрался. Но от нарисованной Марком картины у меня даже настроение поднялось, особенно от термина «сучки».

Марк суёт в мою руку бокал с шампанским, и я краем глаза ловлю недобрый взгляд Алекса в нашу сторону, привлечённый моим неожиданно бурным хохотом. Да-да, пусть не думает, что будет демонстративно развлекаться у меня на глазах, а я истекать слезами и соплями. Не дождётся!

– Этот мартини – фигня, – заявляет мой спаситель. – Для настроения лучше выпей шампанского, а потом, если захочешь, если пообещаешь провести этот вечер в моей компании, подытожим всё это дело дружеской самбукой, а? Как тебе предложение?

– Идёт, – говорю. – Всё равно у меня другой компании нет, так что выбирать не приходится!

– Ага, – кивает, улыбаясь, – насчёт билетов: аннулируй их.

– И не подумаю.

– Лучше сделай то, что я говорю.

– Я не могу больше терпеть его выходки. Посмотри, во что я одета! Он унижает меня. Пригласил на морскую прогулку, я оделась соответственно, а сам приволок на очередное party, чтобы клеить у меня на глазах шикарных девиц, против которых у меня нет шансов!

– Послушай меня... – Марк разворачивается, заслоня своей фигурой мне весь обзор, и на лице его больше ни тени игривости. – Во-первых, ни у одной женщины в мире нет шансов против тебя, если дело касается моего друга, запомни это. Очень хорошо запомни. Во-вторых, дай ему время. Он не нарочно это делает, просто видит всё чуть иначе. Поверь мне – я знаю его с семи лет, и много чего повидал за это время – у него нет цели обидеть или унижить. Он не умеет, не знает, как себя вести, ходит кругами, и не решается на большее...

– Но почему? Мы же не первый день знаем друг друга! А осень я вообще прожила с ним!

– Лер, это сложно объяснить. Ты многое не знаешь, а рассказывать тебе не имею права. Скажу только, что за эти пять лет много дерьма было в его жизни, а пару лет назад он на самом дне был, на самом что ни на есть грязном дне. И такого сценария, где тыходишь хозяйкой в его дом, у него уже не было, а это, как тебе известно, всегда было самой радужной его мечтой, и он отвык от этой мысли, отвык от тебя. Ты ведь тоже изменилась и внутренне, и внешне, дорогая моя! Посмотри на себя, ты про диеты слышала что-нибудь?

– Не в бровь, а в глаз, – горько соглашаюсь.

– Именно! Но это всё фигня, конечно, это моё наблюдение, а не его, так что ничего такого не думай. Что действительно важно, так это то, что сейчас он выздоравливает потихоньку не только телом, но и душой. Ему ведь повезло с этой онкологией...

– Потому что я приехала?

– И это конечно тоже, но главное не это, а то, что он... Есть у меня подозрения определённые... но это всего лишь догадки, чёрт с ними. Главное, он борется, и всё сделает как надо, только дай ему время. Не дёргайся! Расслабься! Просто поживи какое-то время, не совершая резких движений, и не дави на него. Он же боится тебя до одури, разве не видишь сама? Ты же женщина! Дай ему почувствовать себя у руля, на коне, я не знаю, как ещё это назвать, но... он круги свои понарезает, созреет и кинется на тебя! И будет у вас ночь животного секса! Это точно! А потом всё будет хорошо!

Марк приторно ржёт, а я с усердием пытаюсь вычлени из этого словесного потока важное.

Twenty One Pilots – Stressed Out (Tomsized Remix)

А девица, тем временем, лобзает моего мужа всё наглее и наглее, всё интимнее и интимнее, и я не понимаю, к чему весь этот бред о душевных ранах, если можно просто убрать с себя руки чужой тётки? Ведь это же элементарно, если ты любишь!

Если любишь, конечно.

Марк внезапно вспоминает, что у него запланирована важная беседа и, напомнив про самбуку, пропадает в глубине яхты. А мне приходится опять коротать время в обнимку с бокалом в компании своего одиночества.

Я не знаю, когда случился тот коварный момент, но контакт разума с сердцем был безнадежно потерян, и да, я люблю. Люблю сильно, постыдно, до ломоты в мозгу, до крутящего зудежа в области межбедерья. Ненавижу себя за это, презираю себя, но ничего поделать не могу.

Смотрю на его буйную голову, на руку с французским маникюром, ласкающую его затылок, пропускающую между пальцев *moi!* отросшие пряди, томно тянущие за них в недвусмысленном жесте, и хочется выть, как собаке с переломанными ногами. Ведь я помню кое-что из нашей прошлой жизни, знаю, как он реагирует на эти потягивания... и, похоже, знаю об этом не только я.

А что, если он сейчас встанет и поведёт её уединяться, ведь это, похоже, в пределах нормы для него? Я знаю, как это ни прискорбно, но до болезни именно это и было его стилем жизни, и мне уже успела сообщить об этом целая дюжина доброжелателей: *он спит со всеми*. Со всеми подряд. Имеет всё, что движется. Он такой, и я об этом знала. Знала, но расписалась на бланке с госвензелями. Зачем? Потому что люблю, потому что надеялась, потому что когда-то нетрезвый и немного обкуренный он рисовал мне картины семейного счастья из своего воображения. А разве тогда он что-то говорил о верности супругов, о преданности? Насколько я помню, речь шла лишь о мужском долге в плане достатка и детских книжках. А с другой стороны, его стремление хранить верность, несмотря на прессинг физиологии, тогда в Париже?

Господи, как же тяжело, как же всё сложно! И как было предельно просто и ясно с Артёмом, и недостатки его и достоинства как на ладони, и мой вполне осознанный выбор. И к чёрту феерический секс, если его цена так высока – моё разбитое сердце и поруганная гордость! А о каком феерическом сексе, вообще, речь? То несчастное подобие с безразличным выражением лица, которое случилось лишь раз, да ещё и чёрт знает когда?! С Артёмом и то было круче, если честно.

Twenty one pilots Ride

Через время мы с Марком пьём самбуку не вдвоём, а втроём, потому что он приволок своего друга, который к тому же не сводит с меня глаз, так как Марк, совершенно уже не отдающий отчёта своим словам, в один момент заявляет, что я и есть та самая, на которой «перемкнуло» звезду по имени Соболев. Причём поведение самого Алекса свидетельствует об обратном: не то что не любит и не уважает, а вообще ни во что не ставит – я уже сбилась с подсчёта оказанных ему «знаков внимания», но во главе планеты всей сегодня определённо брюнетка.

Мой мозг уже воспалён до предела, я на взводе ещё и потому, что у меня ПМС, как выяснится несколькими часами позже. Чтобы скрыть негодование, злость и обиду за унижение, я усердно закидываюсь коктейлями.

Время, то самое, которое быстротечно, на этой вечеринке тянется с черепашьей скоростью. Я никак не могу дождаться её конца и того момента, когда мы уже, наконец, причалим к нашей марине, чтобы я могла спокойно уединиться дома. Господи, как же хорошо, что хотя бы в доме не бывает всех этих людей!

Да, у моего супруга, оказывается, есть железобетонные правила – целый список. Одно из них: гости вечеринок, кем бы они ни были, никогда и ни под какими предложениями не входят в дом. Об остальном своде законов моего странного мужа позже.

Ближе к десяти вечера Марк уже на грани полного вырубания, но всё ещё держится на ногах. Его дружок Саймон, так и не решился ни разу раскрыть рот в моём направлении, но успел достать своими пристальными взглядами. Алекс вальяжно восседает на диване в компании прилично поодаль, и его неустанно атакует брюнетка. Он с ней не заигрывает, даже не улыба-

ется, но и не отталкивает – её руки, кажется, побывали уже везде, где можно и где нельзя, как и губы.

Я пребываю на грани нервного срыва: полчаса назад Алекс удалялся вглубь яхты, где расположены каюты – подозреваю, ему нужно было в туалет, но девица рванула сразу же за ним, и их обоим не было минут пятнадцать. Я стараюсь не думать о том, что могло бы занять их так надолго, но уже ничему не удивлюсь. Разве он принадлежит мне? Когда-то предлагал, но с тех пор так много воды утекло. А то, что штамп в паспорте, так это чистойшей формальностью – нам нужны были детские визы, и он даже не делал мне никаких предложений, просто коротко обрисовал ситуацию и наши действия.

Наблюдаю за псевдомужем и его шлюхой и пью. Что я пила сегодня и сколько, смутно помню, и, кажется, меня уже покачивает. Как же это унижительно – напиться на почве ревности! Мудрая мысль приносит мне облегчение: спущусь вниз и лягу спать, больше не буду доставлять ему удовольствие своими муками, а завтра, наверное, поменяю билеты на более раннюю дату и уеду домой, сколько бы мне это ни стоило.

Внезапно вижу, как брюнетка наклоняется прямо перед Алексом и, по всей видимости, запускает свою руку в его интимное место. Из-за борта дивана мне не видно наверняка: может, просто обнимает за талию, а может, это уже моё воображение разгулялось на почве ревности, но этот жест становится последней каплей. Мне так паршиво, что мозг грозит разорвать черепную коробку, а сердце – распороть грудь.

Я поднимаюсь и направляюсь к лестнице, ведущей вниз, к каютам, и краем глаза замечаю, что муж мой неверный поднимается тоже, резко и достаточно грубо сбросив с себя руки брюнетки. Но эта точка в развитии их прелюдии, меня уже не греет, он и без того уже слишком много дал мне увидеть. Я отвожу взгляд и продолжаю идти туда, куда собиралась.

Но уже через пару секунд Алекс хватается меня за руку:

– Куда ты?

– Спать! – рявкаю в ответ.

– Наша каюта в торце, – сообщает, и... я как будто улавливаю в его голосе... грусть?

Благополучно добираюсь до кровати, падаю, не раздеваясь и обдумывая уже полуотключившимся мозгом воспитательные меры по отношению к собственной чувствительности и мягкотелости.

Глава 7. Особенная

ID3 ft. Soundmouse – Hummingbird (Original Mix)

Утром обнаруживаю Алекса мирно спящим рядом, фактически на моей половине кровати, уткнувшись носом мне в затылок. Похоже, он неосознанно жмётся во сне туда, где теплее – думаю. Теряюсь в догадках, было у него что с брюнеткой или нет? Если да, то какого чёрта он в моей... хорошо, нашей постели?

Осторожно отодвигаюсь, встаю, одеваюсь и выхожу из каютного отсека на террасу. Снаружи холодно и пасмурно, вокруг ни единой живой души – похоже, все официанты разъехались и основная масса гостей тоже. Но мы не на причале, хоть берег и виднеется не так далеко.

Возвращаюсь в нашу каюту, она, к слову, самая большая и единственная имеет маленький балкон, так как расположена на носу яхты: прямо из кровати можно наблюдать за её ходом и пейзажами.

Алекс всё ещё спит – видно, выпил немало, когда я ушла, так как обычно он просыпается от малейшего шороха. Я сажусь на кровати со своей стороны и не знаю, что делать, будить его или нет.

Спящий он красивый. Очень. И я не имею понятия о том, что ждёт меня впереди, поэтому осторожно склоняюсь к его волосам, глубоко и не торопясь вдыхаю... Он пахнет так же, как и вечность назад – сладко,пряно, гипнотически приятно. Ваниль, цитрус и мужественность.

Соблазн беспрепятственно любоваться им спящим так велик, что мне почти физически плохо от необходимости разбудить его и встретиться с холодностью и отрешённостью, за которыми этой его красоты даже и не видно. А будить надо, поскольку дома мои дети, за ними, конечно, Эстела присматривает, но всё же они не знают языка, поэтому мало ли что...

Тихонько зову его:

– Алекс...

Но он не слышит. Трогаю легонько его за плечо, и только тогда Алекс открывает глаза, сонный, хмурый, не до конца понимающий, где он, и кто перед ним. Нет, похоже, кто перед ним, он всё-таки узнаёт, потому что расплывается в улыбке, небольшой, но очень похожей на ту, которой я ни разу не видела вот уже шесть лет – сладкой, игривой улыбки совместного пробуждения. Не хватает только горячих объятий и нетерпеливых поцелуев. Мне хочется улыбнуться ему в ответ, но перед глазами стоят в полный рост шикарные брюнетки, рыжие, блондинки и их рукоблудие накануне вечером.

– Который час? – мягко спрашивает.

– Я не знаю, у меня же телефона нет. Часов нет. Ноутбука тоже нет. И я беспокоюсь о детях. Я думала, мы ночью вернёмся!

– С ними всё в порядке. Эстела на связи.

Разворачивается, тянется рукой и извлекает из-под кровати свой телефон – у него это давняя привычка держать гаджеты на полу – доступными в любое время.

– Чёрт, ещё шесть утра только. Что ж ты такая ранняя для воскресенья?!

Набирает номер и протягивает телефон мне:

– Это Эстела, поговори.

Я, само собой, на своём ломаном английском выясняю, что с потомством моим всё в порядке: пообедали, поужинали, сейчас спят. Великолепно. Прямо божественная жизнь. Раньше мне такое и не снилось, чтобы за моими детьми кто-нибудь вот так ухаживал, высвободив меня хоть на время. Но, честное слово, лучше бы я вчера осталась дома: воспоминания о прошедшей «прогулке» имеют отвратительно тошнотворное горькое послевкусие.

Отдаю телефон номинальному мужу и небрежно бросаю:

– Что, брюнетка вчера не позволила остаться у себя?

– Не понял? – вонзает в меня свой карий взгляд.

– Всё ты понял, – хлещу.

И по внезапно нахмуренным бровям я вижу, что действительно понял.

– Я и не стремился нигде оставаться, – отвечает сдержанно, но с явным раздражением.

Алекс не из тех, кто любит точить язык. Он вообще никогда этого не делает. Общение с женщинами у него всегда происходит в тональности мягкости и всепоглощающе медового дружелюбия, если только они не его подчинённые.

Но вчерашние воспоминания уже вогнали меня в настроение «кусаться»:

– Ты зачем меня приволок сюда? Чтобы демонстрировать свою распушенность? И я не только о «вчера» говорю, но и глобально о своём пребывании в этой стране, твоём доме, жизни...

– Если ты хочешь поговорить, то время выбрано не самое удачное. Я после вчерашнего соображаю туго. И я не демонстрирую тебе ничего.

С этими словами выбирается из-под одеяла и направляется к шкафу, показывая мне при этом свои безупречные ягодички в боксерах. Ага, совсем голым дефилировать пока не решается, а ведь я-то прекрасно знаю, что ему это ничего не стоит, никаких комплексов и стеснения раньше не наблюдалось.

Любуюсь. Любуюсь, пока он натягивает мягкие штаны и кремовую футболку с длинными красными рукавами «реглан», ещё больше подчёркивающими ширину его плеч. Любуюсь мышцами на спине, руках, ногах под смуглой кожей. Этот ли человек не мог подняться с постели всего несколько месяцев назад и ужасал меня своей худобой как из фильмов о нацистских концлагерях?

– Алекс...

– Да? – вопросительно смотрит на меня, развернувшись вполоборота.

– Мне кажется, тебе не стоит злоупотреблять алкоголем ещё хотя бы несколько месяцев. А ещё лучше вообще не пить, не курить, поменьше шататься по развлечениям, побольше отдыхать и набираться сил.

Он отворачивается, но по лёгкому движению мышц щеки я чётко вижу, что улыбается красивый Алекс неожиданно счастливому шкафу. Ну надо же, при таких-то толпах поклонниц дарить свои улыбки неодушевлённому предмету!

– Заботишься обо мне? – спрашивает голосом, похожим на топлёное молоко.

– Наиглупейший вопрос.

– Хорошо, не буду, – говорит. А что не буду – не ясно.

Выходя из каюты, слегка улыбаясь, добавляет:

– И я не таскаюсь по развлечениям.

И вот не знаю почему, но есть у меня какая-то предательская уверенность в том, что он говорит правду.

Phaeleh – Afterglow (feat. Soundmouse)

Снова раздеваюсь и лезу обратно в постель: ещё рано, чего даром в тесных джинсах живот мой толстый мучить? Ну, не такой уж он и толстый! Есть немного лишнего, конечно, совсем чуть-чуть, но Марку подавай, чтобы все прямо тощими моделями были! После вторых родов избавиться от живота полностью у меня не получилось, хотя, положила руку на сердце, я не очень-то и старалась, но теперь, видно, придётся. Надо же «соответствовать» хоть как-то, ну хоть в общих чертах.

Что это со мной? Вчера только собиралась билеты менять, а сейчас уже строю планы обольщения? И что, это из-за двух несчастных улыбок? Боже, как же низко я пала...

Уже начинаю дремать, укрывшись с головой одеялом, как дверь тихонько открывается, и Алекс, сосредоточенный, осторожно входит в каюту, держа в руках поднос, от которого по всей спальне тут же разливается аромат свежесваренного кофе.

Выползаю из-под одеяла на запах: на подносе, уже очутившемся посередине кровати, стоят две большие чашки с кофе и тарелка с горячей яичницей, тонкими колбасками и овощами, ещё пирожные и круассаны.

– Какая роскошь, – говорю. – А что повар ещё не уехал с этой яхты? Гарсонов вроде не видать.

– Уехал. Я сам это приготовил, – отвечает, довольный собой.

Неужели тот самый Алекс, в которого я когда-то влюбилась, возвращается? Заботливый, нежный, мягкий, трогательный и ласковый? Невольно я тоже расплываюсь в улыбке, и внутри меня становится тепло-тепло, как на солнышке примерно. Алекс, очевидно, это замечает, потому что когда я, сделав глоток кофе, поднимаю на него глаза, он улыбается ещё шире.

– Вкусно? – мягко спрашивает.

– Очень. А ты, оказывается, можешь ещё быть милым!

– Могу, – соглашается. Снова мягко. Так мягко, что у меня даже в животе щекотно.

– Почему не предупредил вчера, как одеваться?

– Не подумал. Прости.

– А зря не подумал. Меня дважды за официанта приняли, и я огорчилась. Сильно.

Взгляд его тяжелеет, но он ничего не отвечает.

– Я тут от огорчения билеты домой купила...

Слежу за реакцией: Алекс отворачивается, но мне всё равно видно профиль, по которому достаточно чётко можно опознать эмоции: раздражение, огорчение и почти гнев.

– Но твоя ходячая мудрость доложила, что ты как бы в курсе... уже, – признаюсь. – А заодно советов надавал: не спешить, подождать, и всё в таком духе. Я вот в раздумьях: раз уж ты ещё можешь быть человеком, может и впрямь дату перенести на месяц-другой? Может и наладится ещё...

– А ты сама-то такой злокой попробуй не быть и не игнорируй супружескую спальню – может, и в самом деле что-то наладится.

Сказано это с явным усилием скрыть негодование, но само божественное тело так вальяжно и естественно вытягивается на кровати, подложив под спину подушки, засунув в рот круассан и запустив систему на ноутбуке, что мне внезапно делается так хорошо...

Мы вдвоём, наедине, никто не мешает, не виснет, не ноет, не задаёт вопросов. Всё пасмурное пространство фешенебельной каюты наше, и мы как давние, сварливые, но неразлучные супруги бранимся, зная наперёд, что, несмотря на милую традиционную перебранку, у нас только тёплое совместное будущее. И как будто и не было пропасти между нами ещё каких-нибудь пару часов назад.

А ещё, если разобраться, то немногословный Алекс сказал что-то про спальню. Может, именно это его так задело? Но, с другой стороны, что же мне, едва он явил милую мордашку, сразу и в койку его кидаться? Тут же простить все прегрешения, холодность, чёрствость, отсутствие любого внимания и вообще полное попираие обязательств в плане понятия «муж»? Обойдётся!

– Так когда мы дома будем?

– Через два часа примерно.

– Чья это яхта?

– Наша.

– А маленькая?

– Тоже.

– Они для «крутизны»?

– Нет. Это необходимость. Большая нужна для работы, маленькая для семьи и друзей.

– Чем ты занимался всё это время? Торговал оружием?

– Работал.

Тишина. Мягкая, тёплая, тягучая. Алекс, не отрывая головы от монитора, а рук от клавиатуры, нарушает её первым:

– Ешь завтрак, я доем потом, что останется.

– Давай лучше разделим или поедим одновременно, как в мультике про котёнка Гава? – предлагаю.

Jaumes Young – Fragments

Алекс отрывается, наконец, от монитора, смотрит на меня с такой Вселенской ласковостью во взгляде, что я внезапно становлюсь счастливейшей до кончиков волос особой.

– Идея интересная, согласен, но мне сейчас нужно срочно кое-что сделать, поэтому я завтракать буду позже.

– Ну ладно, тогда я оставлю тебе половину.

Пью кофе, и, конечно, большую часть яичницы оставляю ему. Спрашиваю:

– У тебя тут есть новые зубные щётки?

– Щётки точно нет, обычно никто этим не заморачивается. Можешь мою взять, – неожиданно предлагает.

– Это негигиенично! – возражаю.

В этот момент он странно смотрит в мою сторону, но затем быстро возвращается к своим занятиям.

– Так, ладно, а средства гигиены всякие есть? Ну, для гостей?

– Что именно тебе нужно?

– Женские принадлежности.

Алекс на мгновение поднимает глаза и смотрит прямо перед собой, как бы соображая, о чём речь, вообще.

– У тебя месячные? – вдруг его осеняет.

– О Боже, Алекс! Тебе обязательно меня унижать постоянно?

– А что тут унижительного? Это нормальное состояние у всех женщин, или нет?

– Да, но с мужчинами мы это не обсуждаем!

Он поднимается с кровати и, направляясь к двери, толкает эмоциональную тираду:

– Может, только ты не обсуждаешь? Но я тебя понял: теперь буду притворяться, что ничего не знаю о женской физиологии, а о существовании самих женщин на планете прознал только вчера!

Алекс с чувством захлопывает за собой дверь и через несколько минут возвращается с двумя прокладками и тампоном в руках. Меня смущает этот набор:

– Ты где их откопал?

– Попросил.

Меня, естественно, заливает краской, Алекс это видит и раздражённо замечает:

– Ты поставила мне задачу, я её решил, как, в общем, и привык это делать. Есть проблема – есть выход, есть задача – есть решение. Всё просто.

Кроме растерянного и пристыженного «Спасибо» я не могу ничего выдать в ответ. Молча плетусь в ванную, чтобы заняться гигиеной.

Горячая вода – настоящее блаженство после сумасбродной ночи, но я не могу на нём сосредоточиться, потому что мозг усердно работает над вопросом «зубной щётки». Дело в том, что, зная Алекса на протяжении уже многих лет, я успела заметить его неординарную чистоплотность и брезгливость. В его квартирах, в тех, где мне довелось побывать, всегда был идеальный порядок. Поначалу я это связывала с наличием горничной, которая навещает в определённое время и приводит всё в сияющий вид (она, безусловно, и была в плане глобальной уборки), но впоследствии я заметила, что он следит за чистотой и сам: после еды посуду он вымывал сразу же; после готовки, хотя и редкой, также всё убирал до первозданного вида; мою пустую кофейную чашку тут же уносил, мыл и водружал в сушилку; его вещи никогда не

валялись где попало; всё, что было несвежим, тут же отправлялось в стирку; мылся он всегда дважды в день, а то и трижды, а одежду надевал только свежую. Такая оголтелая чистоплотность скорее была странной, нежели нормальной, но я вскоре привыкла и воспринимала её уже как данность. Впоследствии, размышляя над его успешностью, я пришла к выводу, что это стремление к порядку пронизывало его насквозь: он и в бизнесе вёл дела исключительно аккуратно, что, очевидно, и сводило к минимуму его риски и потери, ведь генерировать идеи мало, важно ещё уметь их талантливо воплощать. Ещё позднее я обнаружила, что у Алекса бизнес зиждется на планировании: краткосрочные, среднесрочные, долгосрочные планы – вот фундамент его успешности.

Но и это ещё не всё: если за ним понаблюдать достаточно долго и пристально, то можно обнаружить, что Алекс брезгливый, а так как это качество не очень мужское, то он очень ловко и технично его скрывает. Например, в Париже, в ресторанах, я не видела, как он разглядывал мою и свою посуду, но несколько раз вежливо просил поменять некоторые приборы. Тогда я на это не обратила внимания, а вот вчера на вечеринке, не отрывая от него глаз, заметила кое-что. Женщины постоянно с ним флиртуют, изобретательно конкурируя интимными жестами, в том числе, регулярно пьют из его бокала. Алекс при этом мило улыбается, но сам из того же бокала больше не пьёт: долго вертит его в руках, продолжая беседу, и незаметно меняет на новый у подошедшего официанта. Я наблюдала это вчера, замечала на вечеринках у нас дома, но не вникала в суть.

Алекс пил из моей чашки миллион раз, он пользовался моей вилкой, ложкой и так далее, он не раз разыгрывал любимое своё питание из моего рта, вкладывая туда то, что хочет съесть, а затем забирая это своим языком, и при этом всегда возбуждался. Он вытворял в постели со мной такое, что ни о какой брезгливости не может быть и речи, но, получается, только тогда, когда дело касается меня?

На все эти размышления меня натолкнуло его предложение воспользоваться его зубной щёткой – похоже, он считал это настолько естественным, что моё замечание о негигиеничности удивило, а возможно, и обидело его.

Я делаю вывод, что Марк абсолютно прав, и решаю не менять билеты, а аннулировать их: мне не нужно никуда бежать, мне не стоит гордиться. Я особенный человек для Алекса, и поэтому должна научиться жить в его мире, мудро выстроив то, чего я хочу. Ведь я знаю его: пока не надоем, он сможет дать мне очень-очень многое, настолько потрясающее, что любые усилия имеют смысл. И мне нужно лишь немного напрячься, переступить через гордость и пойти ему навстречу. Он словно замёрз снаружи, но внутри всё тот же, мне нужно только отогреть его немного, и когда он оттаёт, взамен я получу самый настоящий вулкан его любви и чувственности, он утопит меня в нежности, ведь я знаю, он может...

Глава 8. Уверенность

Jaumes Young – Come Back For Me

Спустя ещё неделю Алекс объявляет, что ему нужно на вечеринку к знакомым обсудить некоторые дела:

– Я бы хотел, чтобы ты поехала со мной, – просит.

– Спасибо за приглашение, но я лучше останусь дома, – упираюсь, не отрывая глаз от цифр на экране своего ноутбука.

– Лера, в этих делах так принято – приезжать на мероприятия со своей парой. Раньше это делала Ханна, а теперь моя пара ты.

– Знаешь, работа твоей женой начинает меня выматывать, но раз уж так «принято»... – быстро сдаюсь.

В ванной долго смотрю на своё отражение: сейчас я сильная, но была такой не всегда. Первые удары и уроки – в Университете, потом первая работа – первые разочарования, рождение ребёнка – стрессы, неудачи, боль, страхи. После рождения сына я открывала любую дверь едва ли не ногами, а ведь когда-то боялась заговорить с чужими людьми, боялась всего, смущалась, стыдилась. Я меняюсь, адаптируюсь, и происходит это само собой, моя воля тут ни при чём.

Но сейчас другой случай: в этой точке своей жизни я хочу, чтобы этот мужчина был моим. Я люблю его. Хочу прикасаться к нему, спать в его постели, любоваться им, слушать его голос, пить с ним кофе, танцевать, принимать душ, ловить его влюблённые взгляды, отвечать им, я страстно желаю всего того, что связано с ним.

Я больше не хочу домой. И не поеду. Я должна измениться, стать смелой и уверенной. Главное, уверенной: уверенность даёт силу, успех, удачу. Если будет уверенность, случай проявить себя всегда найдётся. Нужно двигаться, шевелиться, не сидеть на месте.

Перед моими глазами руки других женщин, обнимающие его, не мои губы, целующие его. Нет, так не пойдёт! Я стильная, сексуальная, стойкая, мощная. Я как ураган ворвусь и смету всё, оставлю только то, что *мне* нужно.

Натягиваю рваные, но модные джинсы и белую шифоновую блузку поверх чёрной прилегающей к телу майки. Горловина блузки сделана настолько широкой, что никак не хочет держаться и всё время спадает, обнажая моё плечо. «Секси!» – думаю. – «То, что надо!».

Алекс удивлённо смотрит на моё «одеяние», но ничего не говорит. А что он может сказать? Спросить, зачем я так вызывающе и небрежно вырядилась для мероприятия, где дамы, упакованные в коктейльные платья по цене крыла от самолёта, будут вальяжно укладывать свои руки на колени чужим мужьям, томно рассыпать сверкающие локоны по обнажённым загорелым плечам прямо перед его носом, где одинокий бриллиант, сверкая у основания длинной женственной шеи, призывает мужские губы прикоснуться к ней? Мне важно подчеркнуть то, как сильно мне наплевать на них самих и их каноны. А это закладывает фундамент уверенности в себе, основа будет – остальное нарастёт само собой. Я себя знаю.

Алекс ведёт белый Ламборджини сам – водителя отпустил, значит, не собирается пить, значит, мы ненадолго. До самого места назначения машина едет спокойно, соблюдая все тонкости скоростного режима, а двое её пассажиров не произносят ни слова.

Вечеринка, скорее, похожа на светский приём человек на триста – дорогие машины паркуют специально предназначенные для этого люди. Я замечаю, что наш парковщик называет Алекса по имени и обещает подогнать машину ко входу через полтора часа «как обычно». Я смотрю на свои часы, засекаю время. Швейцар на входе также знает Алекса и приветствует его с «особым» почтением, и вот не знаю почему, но мне это приятно.

{Zara Larsson – Never Forget You (Price & Takis Remix)}

Мы попадаем на грандиозное по масштабу мероприятие: в углу огромной террасы (или же это что-то вроде сада с бассейнами), установлена сцена, на которой создают музыкальный фон три диджея и ведущий, бесперебойно сыплющий шутками для увеселения публики. Перед сценой расставлено множество маленьких столиков и организован небольшой танцпол, а ближе к дому раскинуты шатры с мягкими диванами – именно здесь, очевидно, важные люди решают серьёзные вопросы.

Не успеваю я сориентироваться, как к Алексу подходит высокий человек в строгом костюме и, опустив приветственную часть, переходит к вопросам рынка ипотеки. Беседуя, они направляются к одному из дальних шатров, и Алекс кладёт мне на спину ладонь, увлекая за собой.

В этот момент окружающий мир становится для меня бессмысленным хаосом, беспорядочным движением тел. Ничто не имеет смысла, кроме тепла, исходящего от ладони чуть ниже моих лопаток.

Звуки и люди вновь врываются в моё сознание, как только магия тепла исчезает – ищу глазами Алекса, но его нигде нет – я потерялась. Не знаю, когда он меня отпустил, в какой именно из шатров мы шли, и где мне его искать. Невзирая на буквально истерическое состояние духа, я убеждаю себя в том, что вип-вечеринка не канадский лес – найдёмся, в конце концов.

Девушка на сцене поёт довольно необычным и красивым голосом, и я решаю подойти ближе. Улыбающийся моему наряду официант протягивает поднос с коктейлями, и я не теряюсь – беру себе два: ну, хоть расслаблюсь.

Музыка разжигает желание двигаться (или это коктейли?) и я целиком отдаюсь ей, ритму, толпе. К хорошему настроению быстро присоединяются и хорошие новости – мои глаза случайно находят Алекса: теперь он беседует с парнем в рубашке с закатанными рукавами (вероятно, чтобы получше были видны татуировки) и не сводит с меня глаз.

И не он один: уже довольно давно мою оторванную от всеобщего гламура фигуру буравит взглядом женщина моих лет: красивая, очень женственная (я всегда замечаю большую грудь у потенциальных соперниц), с длинными прямыми тёмными волосами. И ещё у неё просто необыкновенно большие глаза, не выражающие ни ненависти, ни зависти, а, скорее, любопытство. Само собой, её интерес ко мне может иметь только одно объяснение: эта девушка – одна из многочисленных «бывших».

Прикончив ещё один коктейль, я начинаю даже получать удовольствие: воображаю, будто мне снова шестнадцать и вхожу в драйв, отпуская напряжение последних недель энергичными движениями бёдер и рук.

Внезапно музыка затихает, и ведущий спрашивает, есть ли желающие спеть. Желающих нет, а три коктейля уже толкают меня на подвиги. И я говорю себе:

– Если уж работать женой «Светлейшего», так на полную катушку, с душой, так сказать. Сейчас я их развеселю тут всех, пусть знают, что такие жёны, как я, на дороге не валяются!

По пути на сцену меня немного потряхивает, но вулкан внутри требует начала извержения. Меня просят представиться, я называю только своё имя:

– Валерия!

И звучит оно из моих уст как-то пьяненько. Смотрю на Алекса, и хотя он довольно далеко, хорошо чувствую вибрации его раздражения. Думаю: «это ненадолго, милый!»

Ведущий шутит:

– Надеюсь, вы не разорвёте нам колонки своим пением?

Все покатываются со смеху, а я перестаю трястись. Вместо этого вполне спокойно и уверенно, хоть и медленно (алкоголь уже подплавил немного мой мозг, но я ещё очень хорошо соображаю, а главное, все комплексы разъёты) отвечаю:

– Не экономьте на аппаратуре!

– Что Вы будете петь?

– Я не знаю, выбирайте Вы, может что-нибудь веселенькое? – и я подпрыгиваю, повторяя ритм предыдущего трека. Слышу одобрительные возгласы на танцполе и приободряюсь ещё больше. – В последнее время, говорят у меня неплохо получается копировать Рианну. Ударим?

{Consideration Rihanna}

Диджей врубает музыку, я узнаю композицию, ведущий протягивает мне листок со словами, но я рукой показываю, что мне не нужно и, мол, не мешай, и тут же открываю рот, потому что уже пора.

И, чёрт побери! Что это за аппаратура такая? Мой как никогда до этого сильный голос разрезает воздух гламурной вечеринки – его чем-то как-то вытягивают мальчишки у пульта, не иначе! А если нет, то в таком случае я – будущая поп-дива!

Народ, застыв, смотрит на меня, слушает. Те, что на танцполе вскоре начинают мне показывать жестами, что, мол, «класс», «не останавливайся», и я окончательно захожу в раж: протягиваю руку и двигаю ею в такт ритма, мои бёдра вторят ей, а люди начинают, наконец, танцевать, поняв, чего я от них хочу.

Как только песня заканчивается, ведущий выпячивает на меня глаза:

– Мы прифигели тут все... Откуда ты?

И я отвечаю, изо всех сил стараясь казаться трезвее:

– Ну, я как все – вон в ту дверь вошла, – машу рукой в направлении входа.

Смех волной раскатывается по толпе.

– Значит, Рианна? Знаешь весь её репертуар наизусть?

– Ну, весь не знаю, но кое-что...

– Проверим?

– Проверим!

Диджей запускает следующий трек, и снова я его узнаю – Desperado. Пою первый куплет и припев, он включает другую песню, и эта тоже мне известна, и так несколько раз. Публика в восторге, кое-кто даже визжит и выкрикивает моё имя, и когда я слышу первые ноты Easy love, восклицаю:

{Rihanna Easy love}

– О! Это то, что надо! Ты не против, если я спою её целиком?

– Тебе сегодня можно всё, дорогуша! – подмигивает.

Мой голос звонким эхом разливается по террасе, я вижу восторженные глаза танцующих, сидящих за столиками, нахожу своего мужа.

О Боже, я пьяная или и в самом деле так красиво пою? Так сильно? Что за чёрт в меня вселился? Раньше я такое выдавала только самой себе и только в отчаянно романтическом настроении!

Внезапно мою голову посещает совершенно дурная идея: со следующим куплетом спускаюсь со сцены и направляюсь к Алексу. Медленно и со всей доступной в моём состоянии грацией прохожу сквозь танцующих, глядя себе под ноги, чтобы не споткнуться, и пою, со всей душой пропеваю строчки песни – так эмоционально, как умею, только когда мне очень нужно.

Гости расступаются – пропускают меня, я медленно продвигаюсь вперёд и, изо всех сил, почти с надрывом вытягивая последние строчки припева, наконец, оказываюсь там, куда шла – прямо перед мужчиной, которому пою. Сейчас, я знаю, будет ритмичный проигрыш ровно в двадцать секунд, и я должна успеть.

Резко раздвигаю его ноги, опускаюсь на колени лицом к лицу и целую его так долго и так откровенно, как делаю это только в постели. Он отвечает, вначале с нежностью и осторожностью, но вскоре смелеет, увлекается и... кажется, забывает, где находится, и сколько глаз наблюдают за происходящим. Моё время заканчивается, я так же резко отрываюсь от него, как и поцеловала, чтобы допеть припев. Встаю и, не оборачиваясь, шагаю обратно к сцене.

Глаза ведущего горят:

– Ты не только потрясающе поёшь, но ещё и устраиваешь шоу?

– Если я ещё выпью, я и не такое покажу! – обещаю.

Люди хохочут теперь и на террасе, и в шатрах тоже. Я слышу крики «Давай ещё, красотка, не останавливайся!». Я скидываю балетки, и все понимают, что шоу продолжается.

– Зачем ты разулась? – спрашивает ведущий.

– Когда ближе к земле – голос сильнее! – я знаю, что говорю немного с ошибками на английском, но мне наплевать. Три коктейля уже совершили революцию в моей голове и выволокли мой разум на Площадь Безумства...

– Ты сейчас поцеловала одного человека, ты знаешь, кто это? – странно щурится ведущий.

– Конечно, знаю! Я же приличная... женщина!

Интересно, уже сильно заметно, насколько «приличная»?

– В таком случае, ты должна также знать, что все девушки Сиэтла мечтают быть с ним! Аккуратнее, не дразни их! Они могут свернуть тебе шею, зайка!

– Ты много болтаешь, – замечаю ему. – Врубай музыку!

Но мистер «Бестактность» не унимается:

– Ты, наверное, и сама мечтаешь о ночи с ним? Но тебе ведь сегодня можно всё, правда, Алекс?

Алекс кивает, но мне уже не нравится это шоу:

– Мне не нужно мечтать о нём.

Публика замолкает, внезапно воцаряется полнейшая тишина, на меня, кажется, устремляются все триста взоров этой вечеринки – всем интересны пикантные подробности моей личной жизни.

Ведущий спрашивает с недоумением:

– Почему?

– Он мой муж. Он и так будет со мной этой ночью, а также следующей, следующей за следующей, и так до бесконечности.

Patricia Kaas Il me dit que je suis belle

Терраса взрывается, но разбор моих отношений с супругом не входил в мои планы. Я сообщаю диджею, что делать дальше, и он включает музыку для композиции Патрисии Каас «Он говорит мне, что я красива». Снимаю верхнюю блузку и остаюсь только в обтягивающей чёрной майке, но мне этого мало – алкоголь продолжает разъедать мои серые клетки и, очевидно, как раз именно те, которые отвечают за пристойность в поведении – я стягиваю с волос резинку, рассыпав их по плечам не то «женщины вамп», не то «подростка оторвыша». Терраса одобряет моё преобразование свистом и восхищёнными возгласами.

И я пою на медово-кремовом, ласкающем, сексуальном французском. Мой голос, словно и не мой вовсе, совсем не такой, каким я пела до этого, стелется, накатывает волнами, оборачивает каждого в красоту. Я закрываю глаза и отдаюсь целиком словам, музыке, вечеру, людям. А когда открываю их снова, гости встают из-за столиков, выходят из шатров и двигаются в направлении сцены. На их лицах любопытство – хотят разглядеть меня поближе, но есть и те, в чьих глазах я вижу восхищение. Сотни улыбок, восторженных взглядов и мыслей, и все они для меня.

Допеваю и смотрю на часы – мои полтора часа подходят к концу, решаю завершить своё выступление динамичной композицией Адель с символичным для меня названием *Why do you love me* (Почему ты любишь меня?) и сообщаю, что всё, мол, шоу окончено. Но люди не дают мне выйти со сцены, просят ещё. Я смотрю на океан устремлённых на меня глаз и сдаюсь:

– У меня появилась идея, – говорю, – и я спою ещё одну песню. Только одну – *When we were Young*.

Adele When we were Young

Взбираюсь на барный стул, стоящий на сцене, и оглядываюсь на плазменный экран, показывающий меня в эту секунду крупным планом: к испарине, проступившей на моём лбу, прилипла прядь волос, я убираю её, подставляя лицо лёгкому бризу с залива.

Моя последняя песня о красивом мужчине, желанном для всех, сводящем с ума. Когда-то давно мы знали друг друга, и он был другим, он любил меня. Слова этой песни о нём – о моём муже, а в её музыке мои чувства к нему.

*Всем нравится то, что ты делаешь,
От твоей манеры говорить,
До твоих движений.
Все здесь смотрят на тебя!
Ты везде чувствуешь себя как дома,
И ты как сбывшаяся мечта.
Но если вдруг сегодня ты здесь один,
Уделишь мне минутку?
Перед тем, как я уйду?
Потому что я провела одна всю ночь,
В надежде, что ты тот, кого я когда-то знала.
Ты словно из фильма,
Звучишь как песня,
Боже, перед глазами то время
Когда мы были молоды...*

Алекс всё понимает, ведь ему не занимать проницательности: поднимается и подходит к сцене, и в глазах его любовь и... восхищение! У него в жизни всё самое лучшее: самый большой и красивый дом, автомобили, яхты, любимая работа, популярность, друзья, бесконечные знакомства и жена тоже лучшая. Я могу всё: с ног сбить, с ума свести, могу любить и поспорить со смертью, суп сварить и ребёнка родить, могу спеть... так, что любая душа развернётся, откликнется...

И сегодня, кажется, это поняли все.

Алекс подаёт мне руку и, продолжая петь, я спускаюсь к нему. Он сжимает мои ладони в своих, и мы смотрим друг другу в глаза, не отрываясь. Нет никого романтичнее нас в это мгновение: все ждут, затаившись, но ничего не произойдёт, ведь Алекс не из тех, кто станет выставлять напоказ самое дорогое. Он мужчина, состоящий из парадоксов: такому популярному и любимому всеми Алексу совершенно безоговорочно наплевать на сплетни, мнения и мысли о нём. Я вижу его глаза и боюсь даже думать о том, что он сделает со мной сегодня ночью...

Алекс ведёт машину быстро, дерзко, сексуально – практически всё, что он делает, возбуждает меня. Мы едем домой в полнейшей тишине, и даже не глядя друг на друга, но я знаю, что случится, когда мы приедем, он тоже, поэтому белый Ламборджини несётся, вопиюще попирая требования скоростного режима.

Deer In U TAWk

Мы входим в наш дом, я поднимаюсь в спальню, он следует за мной. Не говорим друг другу ни слова, но оба чётко знаем, что происходит. Алекс снимает пиджак, футболку, я стягиваю свою. Он приближается, не прикасаясь, целует в шею, зарывается носом в волосы и глубоко вдыхает, затем отрывается и смотрит на меня. И я узнаю его – парня, в глазах которого жило когда-то моё яркое, тёплое, испанское море. Оно и сейчас в них живёт... только прячется.

Его дыхание учащается, кончик языка коротко облизывает губы. Я знаю, этой ночью его поцелуи оденут меня полностью, вспомнят вкус моей кожи, где бы она ни была. Мне всё это

известно наверняка, ведь я не в первый раз смотрю в тёмные, почти чёрные от предвкушения глаза, и кое-что уже способна читать в них.

Он тоже читает меня, и от глубины его гипнотического взгляда я теряю ощущение реальности. Я не знаю, что он ищет в моих глазах, но от этого зависит всё то, что он будет делать дальше. А дальше, он стягивает с меня мои дырявые джинсы, в которых я вытанцовывала на сцене каких-нибудь полчаса назад, и кладёт мои руки на свой ремень.

Не с первого раза мне удаётся расстегнуть заумную пряжку, но Алекс терпелив сегодня, он ждёт. Стараюсь стянуть с него джинсы, но они слишком узкие, и мне приходится просунуть пальцы под ткань, чтобы ухватиться как следует, я чувствую его тёплую кожу... Боже, как же давно я не прикасалась к нему!

Алекс дышит часто, с трудом скрывая своё нетерпение, но никуда не спешит: у него полно времени, эта ночь целиком принадлежит ему.

Наконец, я расправляюсь с его чёртовыми джинсами, и теперь его очередь снимать с меня бельё, и я в ожидании! Именно в нём, потому что Алекс тот редкий мужчина, который может довести до экстаза только тем, как снимет бюстгальтер: касания его пальцев нежны и волнительны, случаются именно там и только тогда, где и когда должны случиться для полнейшего расплавления сознания. Освобождая грудь от ткани, он ласкает её глазами так, что любое либидо имеет все шансы сойти с ума. А ведь он ещё и не начинал своих игр, а только раздел...

Я отступаю к кровати, но Алекс не отстаёт: смотрит, как удав на кролика – ещё немного и съест. И всё, дальше секс. Жадный, голодный, ненасытный. Он не дал мне спать в ту ночь вообще: я уже не могла дождаться, когда ж он успокоится. Мы делали это раз пять или шесть, а может и семь – я не помню. В итоге, под утро меня распластало от усталости так, что мозг в прямом смысле отключился. Уже проваливаясь в сон, я всё ещё ощущала его губы и дыхание на своём затылке, спине, ягодицах, бёдрах. Моё сознание растворялось в дрёме с одной только мыслью – с уверенностью, что за все эти месяцы у него совершенно точно никого не было.

James Arthur – Can I Be Him

Я просыпаюсь в полдень и вижу: Алекс рядом, спит как младенец. Совершенно выбился из сил, бедолага. В моей голове одна за другой всплывают картины того, что он творил этой ночью, и меня снова бросает в жар, краска заливает мне щёки. О Боже!...

На полу валяется его телефон: на экране десятки сообщений о пропущенных звонках и о новом входящем – телефон в беззвучном режиме. Я осторожно поднимаюсь и иду в душ.

Вымывшись, долго и внимательно рассматриваю своё отражение в зеркале. Мне запомнился этот эпизод – именно тогда произошла моя первая в жизни тотальная самопереоценка. Моё стройное тело будто и не моё вовсе: абсолютно плоский живот – такого у меня не было даже до беременности Алёшей – результат лишь нескольких тренировок с профессиональным инструктором; мои ноги больше не худоваты, а идеально стройны и наполнены мышцами в тех местах, где до этого не хватало объёма; моя кожа бархатная, без единого изъяна, больше не белая с голубым оттенком, а лишь слегка позолоченная строго рассчитанным временем в солярии; блестящие волосы – они и были всегда красивыми, но теперь за ними ухаживают лучшие стилисты Сиэтла. Я смотрю на своё отражение и не могу себя узнать – я ничем не хуже гламурных красоток, оказывается! Я не сделала ничего особенного, ничего непосильного – лишь подчеркнула достоинства, слегка подкорректировала недостатки. Вывод: красота – это труд, время и деньги.

Возвращаюсь в спальню: Алекс всё ещё спит, и это необычно – я впервые вижу, чтобы он так крепко, а главное долго спал... будучи здоровым. Иду к детям, Эстела уже развезла их по школам, я благодарю её, а она смотрит на меня с лукавством в смеющихся глазах и светится одобрением. Она рада, когда у нас всё хорошо, и не хочет, чтобы на моём месте был кто-нибудь другой.

Я пью чересчур крепкий кофе, и я... «удовлетворена» – это самое верное и ёмкое слово, способное пролить свет на моё состояние. Такой «удовлетворённой» до приятной боли в мышцах, и не только в них, я не была ещё ни разу в жизни. Закрываю глаза и вижу его губы, плечи, руки, спутанные волосы. Открываю глаза – дом, закрываю – секс... я как желе, дайте мне сосуд, чтобы сохранять форму.

Вскоре спускается Алекс, свежий после душа, пахнувший шампунем и туалетной водой. Он уже упакован в стильный деловой костюм, сжимает в руках всё тот же осточертевший мне планшет и телефон.

Думала ли я когда-нибудь, что с таким остервенением буду ненавидеть гаджеты?

Вероятно, мой муж хотел кофе и ехать на работу, но... увидел меня. Эстела, проследив за его взглядом, сразу сбежала: люди, которые с ним живут, знают его лучше, чем он сам себя знает. Его поцелуй только на мгновение задержался на дольше, чем нужно...

Чашки со стола летят на пол, то, что было на мне надето, уже содрано с меня. Алекс хотел было расстегнуть свою рубашку, но бросил, едва дойдя до середины – слишком долго для него. Мы делаем это прямо на барной стойке, жадно целуя друг друга, ощупывая, оглаживая ладонями, пальцами – но нам мало.

Немного протрезвев после «концовки», я соображаю, что рубашка у мужа мокрая – теперь её нужно будет сменить. Алекс, словно читая мои мысли, расстёгивает её до конца и стягивает, с трудом отлепляя от себя. Теперь, наконец, он полностью голый, я вижу его кожу, мышцы, волоски на груди, тонкие линии татуировок и... опять хочу. Он смотрит в глаза и, похоже, понимает это. Я запускаю пальцы в его волосы...

И пока мы снова делаем это, я осознанно люблюсь тем, как играют мышцы на его теле, как всё больше и больше темнеет взгляд, как приоткрываются губы, выдавая неуёмную похоть, как сползает капля пота по его щеке и падает на мой живот... И это созерцание доводит меня до состояния полнейшей отстранённости от земного мира. Такие моменты, когда я забываю кто я, что я, зачем здесь и почему, возможны только с ним. Ничего подобного я не испытывала с Артёмом, более того, я и не подозревала, что такие ощущения вообще возможны.

Я кричу от силы взрыва во мне. Внезапно открывается дверь и появляется лицо. Знакомое... это Марк! Его буквально вылезающие из орбит глаза упираются в мою влажную от пота грудь.

– Чёрт, Алекс, сколько можно! – он прикрывает глаза рукой и отворачивается. – Это деловые и очень занятые люди! Они не могут столько ждать! Ты доиграешься, мы потеряем контракт! Чёрт, я так и думал, что вы тут трахаетесь, как кролики, без остановки... Вы спали, вообще? Одеваться не пробовали? Это помогает...

Алекс хоть и не мгновенно, но всё-таки приходит в себя. Он зол, потому что не «успел», в отличие от меня: Марк ворвался как раз в самый пикантный момент. Он отпускает меня, ласково заворачивая в свою мокрую рубашку, и я чувствую, как дрожат его руки.

Уже уходя, слышу, как друзья жёстко спорят внизу, но мне нужно в душ – я вся мокрая и опять уставшая, однако отдохнуть некогда – нужно ехать в автошколу, а потом получать водительское удостоверение.

Глава 9. Я всё скажу тебе в моих песнях

В один из вечеров мы расслабляемся на нашей террасе: я, Алекс, его ближайший круг из всё тех же пяти лиц и мои новые друзья Ирина и Виталий, с которыми мы недавно познакомились на курсах английского.

Мы говорим о дороговизне жизни в Штатах, о тех переменах, которые происходят сейчас во внешней политике и во внутренней жизни страны, о том, что, возможно, ждёт нас впереди, но беседа не увлекает ни Алекса, ни Марка – эти двое едва сдерживают зевоту. Если бы не Анна с Кристен, то у меня сложилось бы впечатление, что с моими друзьями общаюсь только я.

Внезапно Марк предлагает:

– Лер, а не спеть ли тебе песню?

– Даже не знаю... Как-то настроение не подходящее.

– Настроение не проблема, у меня есть классный рецепт коктейля – работает просто улётно!

– Я без музыки не пою, – отрезаю.

Марк таращит на меня глаза и восклицает:

– Как это без музыки? А мы на что?! Алекс, пошли в гараж!

Короткое время спустя они вытаскивают на террасу электрогитару, усилитель, ударные и множество других музыкальных штук, в которых я уже совершенно ничего не смыслю. Довольно быстро они всё это подключают и настраивают, Алекс берёт в руки гитару, мягко перебирает её струны, и к своему удивлению я слышу качественную музыку: оказывается, муж мой и на гитаре умеет играть! Его пальцы пытаются вспомнить мелодию из давно забытых нот, но вот, наконец, он, кажется, восстановил в памяти недостающие аккорды, и теперь его руки более уверенно, дерзко, чувственно извлекают волшебную музыку из инструмента. Я узнаю её – это что-то из Queen, причём отчаянно романтическое. Марк быстро подхватывает, и вот уже они играют вместе, а мы зачарованно слушаем, потому что мой супруг и его лучший друг играют умело, даже профессионально.

Когда Алекс в последний раз проводит пальцами по струнам, я вдруг осознаю, что от восторга даже приоткрыла рот. Поспешно захлопываю его и думаю: «Когда-нибудь этот парень перестанет меня удивлять?».

– Ну, ты выбрала песню? – внезапно спрашивает муж, лукаво заглядывая в глаза.

– А я должна выбирать?

– Ну, ты же петь будешь...

И Марк тут же встречается:

– Лера, ты просто покорила меня, когда пела на французском! Это было... потрясно! Чья это была песня?

– Патрисии Каас...

– Кто это?

– Французская певица, очевидно, – отвечает ему Алекс.

– Боже мой! – кладу ладонь на свой лоб. – Какие вы оба тёмные! Как же можно не знать Патрисию Каас?!

– Ну, я-то её знаю – мы разбирали много песен на уроках французского, – говорит Алекс, а я думаю: «Ну конечно, нет ничего такого, о чём бы ты не знал или не умел».

– Ладно, раз вам понравилась Патрисия, споём что-нибудь из её репертуара, – соглашаюсь.

И я уже знаю, что буду петь, ищу в планшете ноты, передаю их Алексу. Он быстро пробегает глазами, его пальцы уже извлекают первые звуки, а я жду, пока он будет готов.

Наконец, он говорит:

– Ничего сложного!

– Une fille de L'Est, что означает Девушка с Востока – объявляю я.

Patricia Kaas Une Fille de l'Est

Алекс начинает играть, а я петь песню нежнейшей текстуры с истинно французским шармом, романтичностью и проникновенностью. Французские слова сами по себе, как музыка, а звуки гитары в руках Алекса словно одевают их в тонкую невесомую ткань, из которой шьют подвенечные платья.

В этой песне есть смысл, глубокий, мудрый, но мой избранник не менее мудр и глубок, чтобы понять его. Я пою о девушке, родившейся в тех краях, где мало света и нет моря, и именно поэтому солнце живёт в её светлых волосах, а море – в синих глазах.

Оттого, что в наших небесах не так много света,

И здесь нет моря,

Голубой цвет живёт в наших глазах,

И именно в них можно потеряться.

Быть может, это из-за солнца,

Забывающего нас так надолго,

Мы хотим золота, как в Марселе,

И оно селится в наших светлых волосах.

Алекс отрывается от нот, и наши взгляды встречаются – ведь это у меня голубые глаза и золото в волосах, ведь это я девушка с Востока. Это я родом из страны, закалённой войнами, это я принадлежу народу, наученному выживать в зимний холод и сражаться в бою. И увидеть сложность моей души, силу характера можно не столько в моих словах, сколько в поступках – я ничего не делаю наполовину, я знаю цену данному обещанию и не роняю слов. И если он сможет по-настоящему узнать меня, он поймёт: если я ненавижу, то всей душой, а если люблю, то всем сердцем.

Я из той страны за горизонтом,

Которая звучит как война, как вечная зима.

И если ты хочешь понять меня

и по – настоящему узнать меня,

Я – в каждом моём слове, в каждом из моих жестов

Мы неотрывно смотрим друг другу в глаза, я пою, он играет, и кажется, что в этом пространстве музыки и слов-признаний существуем только мы двое, а те, кто наблюдают, невольно проникнуты чужой тайной, чужими чувствами, чужой страстью.

Здесь холод морозит тела,

Но и жара может сжечь.

У нас всё становится ярким и сильным,

Мы ничего не делаем наполовину.

И все эти кресты и траншеи,

Мы знаем здесь цену крови,

Абсурдность сражений,

В которых умирают с обеих сторон.

Я из того края, из языка, из истории,

*Которая звучит далеко, звучит как бой и память,
Та, что видела моё рождение,
Которая сделала меня такой,
Страна и характер, которые остаются во мне.*

*Я ото всех этих достойных
В своём молчании людей,
Где слово есть слово, где обещание что-то значит.*

*И если ты сумеешь понять,
Кто я, когда люблю или ненавижу,
Я подарю тебе открытую любовь,
Простую и искреннюю
Девушки с Востока.*

Когда я заканчиваю петь, на террасе тихо: никто не произносит ни слова, не смея, очевидно, врываться в наше оторванное от реальности облако откровенности. Да, так уж повелось – мы общаемся песнями. Не я это придумала – всего лишь веду эту линию дальше: если нельзя говорить, но можно петь, так почему же мне не сказать ему всё песнями? А их много, так много, что я буду говорить и говорить, и пусть он слушает, пусть внимает так, как может, как ему удобнее, как проще, как доступнее.

Марк смотрит на меня восторженными и умоляющими глазами:

– Спой ещё что-нибудь на французском, пожалуйста! Пожаалуйста! На этот раз я сыграю на гитаре для тебя!

Алекс бросает на друга недобрый взгляд, но гитару уступает. Садится напротив меня и снова смотрит только в глаза.

Natasha St – Pier – Tu trouveras

Я даю Марку ноты к песне Наташи Сен-Пьер «Ты найдёшь» – ещё одно мелодичное, душевно-лирическое признание ждёт моего Алекса. Вижу, он напряжён – уже понял, что просто песен я не пою, все они – мои невысказанные ему слова, в чём я и признаюсь уже прямым текстом, призывая не только читать между строк, но и искать в моих песнях невысказанные ему речи. И самый главный мой страх – что он уйдёт от меня, найдёт красивее, моложе, сильнее меня. Я часто ошибаюсь и многое делаю неправильно, но важно, чтобы он знал – я люблю его несмотря ни на что.

*Как и у всех, у меня есть свои недостатки,
Я не всегда нахожу нужные слова,
Но если ты читаешь между строк,
Ты найдёшь в моих песнях,
Всё то, что я не смогла тебе сказать.*

*В них есть опечатки,
Немного путанные признания в любви,
Несмотря на мои неловкие согласия,
Ты найдёшь в моих песнях
Всё то, что я не осмелилась тебе сказать*

*Ты найдёшь...
Мои раны и мои слабости,*

*В которых я признаюсь лишь на половину,
Мои промахи, мои оплошности,
И любви, больше чем нужно
Я так боюсь, что ты оставишь меня
Знай, что если я всё время перебарщиваю,
То это всё для того, чтобы ты остался со мной.*

*Ведь есть и другие, которых ты полюбишь
Намного красивее и сильнее меня
Я, конечно, уступлю им место
Когда мне уже будет нечего сказать
Тебе в своих песнях
Время делает вас бесчувственным ко всему,
К иллюзиям, к предательским ударам
Если я не смогла тебя удержать,
Знай, что в моих песнях
Всё то, что я не смогла тебе вовремя сказать.*

Как только я заканчиваю петь, Кристен говорит:

– Смысл этих песен, похоже, понятен только вам двоим? И не важно, что они на французском, которого мы не знаем?

Но отвечаем ей не мы, а Марк:

– Какая разница, в чём смысл и для кого он предназначен? Я никогда не слышал ничего красивее!

– Да, поёт она хорошо, – великодушно соглашается Анна. – Алекс, где ты её нашёл?

– Далеко отсюда, – отвечает он, всё также не отрывая от меня своих глаз. – Но и там таких больше нет.

– Ты собираешься сделать из неё звезду?

– Нет, она нужна мне не для этого.

– А для чего?

Снова воцаряется молчание и последний вопрос не достаивается ответом, а мне хотелось бы его услышать. Наверное, сильнее всех присутствующих вместе взятых мне хотелось бы знать, для чего же, на самом деле, я нужна ему?

Глава 10. Ла Пуш

CMA – You're Free

Штат Вашингтон расположен на северо-западе США и граничит с Канадой. Именно здесь находятся одни из самых завораживающих природных ландшафтов на планете: необычайное сочетание гор, скалистых возвышенностей и равнин, океанского побережья с широкой линией прибоя, заливов и озёр. Растительность здесь преимущественно хвойная – высоченные ели и сосны, пихты, лиственницы создают ощущение сказки. Недаром именно это место излюблено Голливудом для съёмок фэнтезийных фильмов. С Канадской стороны те же виды, но уже в провинции Британская Колумбия – самом благоприятном месте для жизни на земле по совокупности факторов, а Ванкувер – крупнейший город в этой части Канады – много лет лидирует в рейтинге лучших городов мира для проживания, что делает его немислимо дорогим с точки зрения покупки и аренды жилья. Алекс много работает в Канаде: именно здесь он возводит большую часть своих домов, покрывая ажиотажный спрос, многократно превышающий предложение.

Однажды в субботнее утро, только вернувшись с пробежки, он будит меня поцелуем и, вручив чашку с горячим кофе, приказывает:

– Просыпайся! Сегодня я хочу показать тебе кое-что. Собирайся поскорее, потому что нам ехать около трёх часов.

– С детьми?

– Нет, давай с детьми в следующий раз. Хочу, чтобы ты увидела это место впервые в полном покое, чтобы ничто тебя не отвлекало. Вернёмся завтра вечером. С Марией я уже договорился – на выходных дети погостят у неё. Им будет весело, сестра целую программу развлечений придумала.

Я собираюсь нехотя, потому что за окном пасмурно, холодно, пролетает мелкая морось – типичная погода для Сиэтла и окрестностей. В такую погоду хочется сидеть дома, читать книгу, укрывшись тёплым пледом и потягивая по глоточку горячий кофе. Я смотрю на мокрую спину своего мужа, только что вышедшего из душа, и думаю, что горячего, скорее всего, мне достанется с лихвой в этой поездке.

Мы садимся в машину, и Алекс сообщает с присущим ему воодушевлением:

– Мы едем в Ла Пуш – Национальный Парк Олимпия. Я покажу тебе одно из самых красивых мест на земле!

– Самое красивое земное место находится в Испании, в Паламосе, на той одинокой смотровой площадке, где никого никогда нет, кроме тебя, ветра, лазурного моря, беспощадно красивой марины с белыми яхтами, и где ты так самозабвенно меня целовал!

Алекс бросает такой мученический взгляд, что мне мгновенно хочется провалиться: только для меня эти воспоминания волшебны, а для него – болезненны.

В дороге мы слушаем музыку и ни о чём не говорим. Оказывается, у нас совсем нет общих тем для бесед, и я уже начинаю думать, что то, что когда-то так тесно нас объединило, теперь исчезло безвозвратно.

По приезду мы быстро обедаем в ресторане, забрасываем сумки в отель, расположенный на самом берегу и, не переодеваясь, отправляемся на прогулку. Алекс держится обособленно и даже отчуждённо – следит за моей реакцией, хочет знать, насколько меня впечатлит или наоборот оттолкнёт то место, которое покорило его. И мне кажется, он тоже пытается понять, осталось ли у нас хоть что-то общее?

Место действительно сшибает с ног своей масштабностью и видами, однако красота его давящая, тоскливая, почти больная, депрессивная. Прямо над берегом, на краю обрыва, вздымаются ввысь необычно густые вековые сосны, высоченные, с толстыми, искривлёнными вет-

рами и суровостью жизни стволами – такой мощи и такой породы дерева я видела только здесь, в штате Вашингтон. Океан словно выел часть леса, разбросав мёртвые сизые стволы погубленных им деревьев по широченной линии океанского прибоя. Небо, кажется, соперничает в серости с океаном, бурлящим волнами, разливающим их огромными живыми зеркалами по бескрайнему песочному пляжу, местами утыканному каменными валунами и скалами. Да, это необыкновенное, нереальное место определённо устрашает и покоряет одновременно.

И пока мои глаза жадно впитывают его впечатляющие пейзажи, сердце стонет от внезапно нахлынувшей тоски и осознания мелочности жизни, её переживаний, да и ничтожности самого факта нашего существования в сравнении с грандиозностью жестокого океана, скалистых обрывов, покрытых древними деревьями, бесконечности неба. Этот печальный пейзаж заставляет мысли двигаться в совершенно ином, непривычном направлении – думать о смысле, о сущности, об идейности всего.

Иногда Алекс поглядывает на меня искоса, и я вижу в его в глазах любовь и мягкость, но вместе с ними и отчуждённость. Несмотря на то, что теперь мы женаты, на перемирие, на более чем частый неудержимый, а порой, даже и дикий секс, между нами нет близости. Мы не говорим, мы молчим. Молча живём, молча растворяемся друг в друге по ночам, молча пересекаемся иногда в доме или на террасе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.